

Н.В. ЗАХАРОВ

АВАНТЮРИСТЫ

КНИГА ШЕСТАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров

Авантюристы. Книга 6

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Авантюристы. Книга 6 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Повествованием охвачены события века 20-го, /ЛИХОГО/ для нашего ОТЕЧЕСТВА, и не менее /ЛИХИХ/ предыдущих и последующих веков. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми - совершенно случайны. Продолжение книги "Жулики". Содержит нецензурную брань.

© Захаров Н., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

Алоис-младший – вор и отщепенец вышел из ворот тюрьмы городка Зальцбург в очередной раз в конце июня 1905-го.

Отсидев и искупив свою вину перед казней, он оказался за стенами тюрьмы в полдень, который встретил его порывистым ветром и проливным дождем. Гроза грохотала над Зальцбургом, и Алоис припустил бегом к ближайшей подворотне. Влетев в проходной двор и трясая головой, он столкнулся с двумя монахами, которые спрятались здесь от грозы вместе с лошадьми. Черноризцев Алоис особенно не почитал, но они были первыми, кто встретился ему на свободе и он приветливо с ними поздоровался. Последние пять суток заключения Алоис провел в карцере за совершенно незначительную провинность. Споткнувшись, он опрокинул миску баланды на форменные брюки надзирателя Фрица и тот, схватив его за шиворот, пинками сопроводил туда, изрыгая проклятья. Поэтому, неделю почти не общавшийся с людьми, Алоис жаждал, поговорить.

– Добрый день. Ну и погодка. Разверзлись хляби небесные, как во времена потопа Ноева, – продемонстрировал он некоторое знание священного писания.

– Добрый день. Вы, я вижу, прямо из тюрьмы? – откликнулся один из монахов.

– Да, – помрачнел Алоис. – Будь она проклята. Ни за что посадили. Невинно страдал за других. Свалили на меня, а я и ни причем, господа. Им лишь бы посадить, – сделал он вечный вывод, который приходит в голову всем осужденным, во всех тюрьмах, во все века. – Три года, господа. Меня зовут Алоисом. До заключения работал официантом и помощником повара в здешнем ресторанчике. – «У Карла».

– Михаэль и Серж, – представились монахи. – Вернетесь в родное заведение?

– Эх. Карл этот и посадил. Заявил, что я у него украл столовое серебро. А «фараоны» сразу, хватать. Слушать не стали, в суд поволокли. И ведь не нашли у меня это серебро, а все равно поверили этому мерзавцу. Потому что кто он и кто я? Да и сидел я уже один раз за кражу, так что не примет он меня на работу, – резонно прикинул свои шансы Алоис-младший.

На Алоиса-старшего он был совершенно не похож. Усы и бакенбарды не носил и вообще был выбрит налысо. Голова его, без головного убора, была похожа на отполированный подошвами булыжник, такая же темная от загара и квадратная. Очевидно, администрация тюремная не позволяла заключенным бездельничать и выводила трудиться на свежий воздух, куда-нибудь на каменоломни.

Лицо Алоиса, загорелое и продубевшее на всех тюремных ветрах, носатое, с тонкими губами и с глазами, близко посаженными к переносице, выражало сейчас искреннюю озабоченность собственной судьбой.

– Мы вам сочувствуем, господин Алоис. А родные и близкие, они-то каким-нибудь образом могут помочь вам начать новую жизнь? – один из монахов проявил явное участие к бывшему эку.

– Как же. Они помогут. Держи карман шире. Папаша-то мой приказал долго жить и ничего не оставил. Даже не упомянул в завещании мерзавец. Мачеха в тюрьму письмецо, стерва прислала, известив о его кончине. Но это она, чтобы я не приперся после отсидки и денег у нее не просил. Дескать, знать тебя не знаем, а батюшка твой загнулся и ничего не оставил на память. Да я с голоду буду подыхать под их забором, а они сухарь не швырнут – негодяи. Вся семейка такая. Братец Адольф мелкий еще, но уже отъявленный мерзавец. Его в школе Волком дразнят. Это в 16-ть лет. Что из него вырастет? Уже подлец и негодяй, – пригорюнился Алоис.

– Они здесь же проживают? – с нотками сочувствия, продолжил расспросы монах с именем Михаэль.

– Они в Линце живут. Домище у них свой. Папаша перед смертью наследство получил и жил на широкую ногу последние три года. Из трактира не вылезал. А меня из дому выгнал, потому что перечить ему стал и требовать, чтобы обеспечил, раз наследство хапнул. Так ему и заявил в глаза его пороссячи. Разорался, как свинья и выгнал. У него Адольф в любимчиках. Ему все и оставил с мамашей-стервой. А она ведь мне тетка – кузина сводная. Змея. Вползла, – зафыркал в ответ Алоис.

– Выходит, что ваш папаша женился на собственной племяннице? Как же епископ разрешил? Это же родство второй степени и церковью не одобряется. Инцест.

– Инцест, понятное дело. Сунул, кому надо на лапу и получил разрешение у кардиналов. В церкви католической все продается, господа, – осуждающе нахмурился Алоис, ткнув пальцем почему то вверх.

– Не все, сын мой, – возразил Алоису-младшему Сергей.

– Прошу прощения, преподобные. Конечно же, не все. Если бы все продавалось, то священники ходили бы нагишом, а на месте костелов и кирх были бы публичные дома. Но мой папаша сумел купить такое благословение и женился на этой стерве Кларе, моей двоюродной сестре. Мышь серая. Глазками шмыг-шмыг. Тьфу, – плюнул Алоис. – Еще и соблазняла меня, когда мачехой моей была.

– Да что вы говорите? И удалось соблазнить?

– Потому-то и прогнал папаша, что заподозрил что-то. Он всегда подслушивал и подглядывал, но Клара хитрее. Она всегда при входе во двор какой-нибудь мелкий беспорядок оставит и папаша не удержится, разорется на всю деревню. Мы тогда в деревне жили, рядом с Линцем. Дыра жуткая. Одна радость у деревенщины – трактир еврейский. Соберутся там и чешут языками. А папаша мой там сутками напролет сидел.

– Уж, не в Леондинге ли?

– В ней.

– Проезжали мы через нее и даже в трактире трапезничали. Уютная деревенька. Зря вы так плохо о ней отзываетесь и жители в ней приветливые. Мы там, в прошлом году были. Познакомились с некоторыми из них. С плотником Куртом. Хороший человек и отличный мастер. Какую он мебель делает.

– Курт? Чахоточный? Помню. Вечно ободранный ходит и голодный. Настрогал детей пятерых, а прокормить не может. Они вечно у кирхи побирались. Клара им помой вынесет, у них праздник в семье, – скривился презрительно Алоис-младший, вдруг став очень похож в этот момент на Алоиса-старшего, невзирая на отсутствие усов и бакенбардов. Интонацией, жестами, внутренней сутью, он повторил своего папашу в полной мере.

– А вы, значит, прелюбодейничали со своей мачехой и папаша вас за это выгнал, лишив наследства?

– Я не прелюбодейничал с ней – она прелюбодейничала со мной, но ее он не выгнал. А нужно бы было. Меня – своего старшего сына проклял, а ведь любил когда-то, раз своим именем назвал, – замотал отрицательно головой Алоис.

– Любил?

– А как же? Раз назвал также, значит, наследником сделать хотел. Сделал. Вот стою, как пес бездомный в подворотне, и пойти некуда. Голову негде приклонить, – Алоис-младший взглянул на небо, которое начало светлеть. – Куда идти, на что жить?

– А столовое серебро? Его ведь полиция не нашла.

– Сколько там этого серебра? Да его еще продать нужно.

Скупщик цену настоящую не даст. За половину если возьмет, так уже радуйся. Опять воровать придется. Пойду в Вену, там народу больше и работу легче найти, – вздохнул Алоис.

– А на службу поступить государственную не желаете? Вы же дворянин.

– Что-о-о? Кто меня возьмёт на службу после вон... – Алоис кивнул в сторону тюремных ворот.

– Не отчаивайтесь. Вы еще молоды и вся жизнь у вас впереди, – попробовал добавить ему оптимизма Михаил.

– А я и не расстраиваюсь, святые отцы. Вон и дождь закончился. Не пропаду. Сейчас ложки загоню с вилками и ножами скупщику, отмечу свое освобождение, а там что Бог даст. У вас, святые отцы, не найдется пару монет на извозчика? При встрече непременно верну или в церковь занесу и в кружку для пожертвований брошу, – Алоис жалобно взглянул сначала одному монаху в глаза, потом другому.

– Нет, не обессудьте. Не располагаем средствами, – отказались оба и Алоис, разочарованно махнув рукой, не прощаясь, выскочил из подворотни, направляясь к центру городка, который на извозчике можно было пересечь за пять минут, а пешком за полчаса.

– Жлоб, вылитый папаша по характеру, – сделал вывод Михаил.

– Что же ты ему на извозчика монету пожалел? Жаба душит?

– Ему тут идти пять минут до схрона и еще столько же до скупщика. Кроме того ему при освобождении в тюремной кассе выдали пару монет. Жлобяра, говорю же. Перетопчется на свои. А СТН-а у него не было никогда. Мелькнул в детских воспоминаниях. Сидит папаша и гвозди на нем выравнивает. Этот ему под руку и палец сунул под молоток. Папаша хрясь по нему, а этот выдернул и хохочет. Приколист. Ну, папаша-Алоис тогда его еще любил, поэтому врезал по шее всего один раз. Больше он эту железку не вспоминает. Нужно Адольфа с его «дырками голландскими в памяти» трясти.

– А где он сейчас?

– С мамашей в Линце. Она там домик приобрела в центре. Ей как вдове пенсион полагается, да еще и накопления кое-какие после мужа остались. Живут, конечно, не на широкую ногу, как тут Алоис-младший распинался, но и не бедствуют. Странно, что металлодетектор совершенно не реагирует на СТН. Будто нет его вовсе рядом с семейкой этой шизанутой.

– Я об этом же подумал, еще в первое посещение наше. Когда ты Алоиса папашу спаивал армянским коньяком. Или нет его у них, или «шестерка» эта гребаная научилась глушить сигнал.

– Проверим все же Адольфа на вшивость. И, наверное, прав ты был в прошлый раз. Нечего с ними церемониться. Заморозить и дом обшмонать тщательнее.

Линц, уже знакомый по предыдущим посещениям, встретил их перезвоном первых трамваев и солнцем в лужах. Здесь тоже прошла гроза и воробьи радостно плескались в них, ероша перья.

Дом Гитлеров отыскивали быстро и остановились у его парадного крыльца. «Улица Гумбольта-31-н» готическим шрифтом информировала табличка на нем. Фасадом дом выходил на улицу, и ворот как в деревне тут не было, однако, входная дверь вполне их заменяла своей монументальностью двухстворчатой, демонстрируя массивные петли и огромное кольцо, заменяющее ручку. Выкованное из бронзы, оно крепилось в проушине и блестело от постоянного использования, в нижней своей части. Имелся и шнур для колокольчика, за который Сергей тут же и подергал.

Колокольчик где-то задребезжал, на пределе слышимости и Сергей, дернув сильнее шнур, оборвал его у самого основания, где он нырял в отверстие.

– Ты что пакостишь? Убытки причиняешь фюреру и его мамаше? Теперь веревку нужно новую покупать, – сделал ему замечание Михаил, прислушиваясь, не идет ли кто-нибудь открывать дверь. По улице, за их спинами, цокали подковами по булыжнику лошади и заливисто лаяла где-то псина, поэтому они не сразу расслышали голосок из-за двери:

– Кто там?

Голосок принадлежал явно фрау Кларе, и Михаил откликнулся поспешно:

– Добрый день, фрау Клара. Это мы, монахи Михаэль и Серж, зашли засвидетельствовать вам свои соболезнования по поводу безвременной кончины вашего супруга Алоиса,– после его слов дверь гроыхнула засовом, и мордашка Клары в чепце высунулась в щель. Ниже ее подбородка натянулась дверная цепь, не позволяющая распахнуться двери на всю ширину и Клара настороженно уставилась на Михаила, явно его не узнавая.

– Мы жертвуем по воскресеньям, когда ходим к мессе, а сейчас у нас ничего нет,– сообщила она поспешно.

– Нам не нужно пожертвований. Мы сами занесли вам кое-какие средства от совета ветеранов таможенной службы – членом, которого ваш супруг был в последние годы жизни. Ему полагается некоторая сумма и нам поручено передать ее семье. Вы нам позволите пройти в дом, фрау Клара? Требуется соблюсти некоторые формальности. Расписаться в ведомости о получении средств. Не делать же это стоя на крыльце?– Клара, услышав «о некоторой сумме», повеселела, но настороженность из ее глаз до конца не исчезла.

Тем не менее, она все же цепочку убрала и гостей неожиданных впустила.

Коричневый цвет, очевидно, был любимым не только у покойного Алоиса, но и у его здравствующей пока вдовы. А может коричневая краска была дешевле прочих, но этот цвет превалировал в домашнем интерьере Гитлеровской семейки, наводя на некоторые размышления.

Гостиная, куда провела гостей фрау Клара, поражала своей убогостью и мрачными оттенками. Пол, стены и даже оконные рамы были коричневыми. Стены все в тех же обоях аляпистых, будто других в Австрии и не выпускали. А вот стол круглый посередине помещения был покрыт скатертью вполне светленькой и даже с бахромой и вышивкой посередине. Какие-то фантастические птицы, сплелись хвостами на ней, распушив их и напоминая павлинов.

– Прошу, присаживайтесь, господа,– Клара отодвинула пару стульев венских и сунув руки под фартук, пригорюнилась.

Одета она была, как и положено вдове, во все черное и очень была в этой гостиной уместна, как неотъемлемая часть интерьера. На их голоса, очевидно, в дверном проеме, ведущем в глубины дома, высунулись два любопытствующих лица. Девчушка лет десяти и парень лет шестнадцати, уставились на монахов, слегка выпучив глаза.

– Детки мои – Адольф и Паула. А это господа из совета ветеранов таможенного, детки. Они нам деньги принесли за папочку,– «Детки», оба одновременно, молча кивнули и выпроставшись из коричневых штор, прошествовали к столу, встав рядом с мамочкой. Слева и справа от нее. Клара нежно обняла детей за плечи и стала похожа на черную клушку, прячущую цыплят от непогоды.

– Пастораль,– буркнул Сергей.– Доставай ведомость и обрадуй семейство. Сколько там им причитается?

– Пара талеров,– Михаил вынул из сумки лист бумаги и попросил фрау Клару поставить свою подпись в графе «Получено», выложив пару монет на стол. Клара, схватив ручку, коротко скребнула пером по бумаге, вырывая из нее клочки и схватив монеты, растянула губы в радостной улыбке. «Детки» тоже радовались совершенно искренне и Михаил, щелкнув пальцами, зафиксировал эту семейную идиллию, скомандовав.– «Замри». Осмотр дома ничего не дал. Потратив на него целый час, парни вернулись в гостиную к замершим в радостном мгновении Гитлерам. Сергей, не церемонясь, проверил карманы Адольфа, который сегодня был во вполне приличном сюртуке и даже рубашка на нем была совершенно новая. Паула замерла в сереньком платьице с оборками и кружевами, но карманов на нем предусмотрено не было и Сергей, окинув ее взглядом, вздохнул разочарованно:

– Отрицательный результат, тоже результат. Пусто. Приперли сюда даже ящик гнилой с инструментами папашиними. Гвозди ржавые и те все на месте. А главное «лапу» сапожную не забыли. Как бы семья без нее прожила?

– Пошла бы по миру, само собой, разорившись на ремонте обуви. Адольф, наверное, теперь подковы приколачивает. Вон, какой орел вымахал,

– Михаил щелкнул пальцами и извинился перед семейством Гитлеров, зашевелившимся:

– Приносим свои извинения за доставленное беспокойство.

– Это разовая акция?– задал вопрос Адольф, ломающимся, подростковым голосом.

– К сожалению,– кивнул Михаил.

– Почему так мало?– Адольф вскинул подбородок и скрестил руки на шуплой груди.

– Хорошего – помаленьку, как умные люди говорят,– проворчал в ответ, не удержавшись, Сергей.– Дареному коню в зубы не глядят. Это опять же они – умные, так говорят.

– Это конь?– Адольф ткнул пальцем в монеты, которые его мамочка бережно увязывала в платочек траурного цвета.– Это насмешка над заслуженным человеком. Он всю жизнь свою посвятил таможне, а вы хотите отделаться от него этой подачкой. Мы подадим на ваш совет в суд и напишем жалобу.

– Пишите и подавайте. Ваше право. Хоть Императору Францу-Иосифу. Глядишь и выпотрошите из него еще пару талеров. Заживете тогда по-королевски,– подмигнул Адольфу Сергей, проходя мимо. Открыв дверь входную, он вдохнул воздух полной грудью и перекрестился облегченно, будто вышел из чумного барака. Следом вывалился Михаил и тоже принялся жадно хватать ртом воздух.

– Пошли отсюда, куда-нибудь подальше,

– Сергей шагнул с крыльца в три шаткие ступеньки и, взяв Верку под уздцы, направился прочь от дома Гитлеров. Входная дверь в их дом открылась вдруг неожиданно и выскочившая на крыльцо вдова, пискнула воинственно, вслед уходящим монахам:

– Непременно пожалуемся на вас,– крикнув, она тут же прыгнула обратно за порог и захлопнула за собой створку. Затем снова приоткрыла и добавила.– В суд подадим!

Михаил, догнавший Сергея, пошел рядом, разглядывая дома и прохожих:

– Ну, семейка. Ведь радуются неожиданным деньгам и все равно сволочатся. Сколько интересно нужно высыпать им монет, чтобы уходя, вот эти вопли в спину не услышать?

– Этим хоть весь мир к ногам положи и все равно будут скулить и брехать. Рядом с ними дышать-то противно. Я как подумаю, что одним воздухом с ними дышать целый час пришлось, так меня даже подташнивать начинает. Рвотные рефлексы сработать норовят. Где же «шестерка»? Сколько времени уже убили на эту чертову железяку. И все впустую. Куда теперь двинем?

– Хрен его знает. В Леондинг заскочим, с Куртом встретимся, перекусим у Штайфлера чем-нибудь кошерным и двинем поближе к Первой Мировой. Следок, я думаю, там где-нибудь проявится наверняка.

– Где?

– Думаю, что в Вене все же. Сдается мне, что этот Адольф не просто так потом назван бесноватым.

И есть у него одна способность. Он «зависает».

– Это что за способность такая? Впервые слышу.

– Ну, он как бы впадает в своеобразный «исихазм», только в мирской что ли, в отличие от монашеского – это состояние не молитвенное, а созерцание чего-либо бесконечного. Предмета, мысли навязчивой. Вот и сегодня, пока мы ползали по дому, у него в голове звенела одна и та же.– «Мало принесли талеров, мало принесли талеров».– Представляешь? Целый час. А последние десять минут, просто выл волком,– «Мал-о-о-о-о-о-о-о!!!»– Я чуть за голову не хватался от этого воя.

– Взял бы, да и отключился,– не понял Сергей мук Михаила и тот остановился.

– Стоп!!! Вот ведь зараза. Ты прав. Но мне это и в голову не пришло. Ходил, терпел, будто он вслух это воет. Что-то тут не нормальное,— Михаил щелкнул пальцами и прикрыл глаза рукой. Постояв так минуту, он убрал ладонь от глаз.

– Полный мрак. Ничего. Будто в погребке. Ни света, ни звука. Там они. Но где? Где-то спрятал засранец и научился мысли о них блокировать. Поэтому и провалов в памяти столько. Это память о СТН-ах заблокированная. Они – сволочи стараются. «Шестерка». Возможно, что и не в доме хранит, а где-то в другом месте. Прикопал в саду или еще где-нибудь. Другого внятного объяснения нет. Тем более нужно ловить его в Вене перед Первой Мировой. Там она будет наверняка при нем. Не оставит же он ее здесь.

– С собой потащит, разумеется,— Сергей кивнул в сторону вывески на доме, с которым они поравнялись, извещавшая, что в нем расположен ресторан и ниже буквами помельче гордо сообщалось будущим клиентам.— «Французская совершенно кухня к услугам».— Воспользуемся? Люблю французскую кухню с некоторых пор.

– Мадам Жаннет вспомнилась?

– Суп она луковый классно готовила. Так как, зайдем?

– Пошли. У меня после этого «гостеприимного» семейства жуткий аппетит всегда появляется. Неужели все немцы такие? Национальная черта – не гостеприимство. Только денежные расчеты. Я читал, что у них если дети к родителям на выходные приезжают, когда уже живут отдельно, то привозят с собой продукты на эти дни или деньги оставляют. Вообще эти немецкие скрупулезность, педантичность, меркантильность раздражают русского человека. Хочется взять за шкуру и потрясти. Чтобы все это дерьмо вылетело.

– Не все такие, вспомни Анну из Штронеца. Последний сыр и кусок хлеба предложила. И потом, немцы постоянно с русскими воевали и в плену побывав, возвращались жутко обрусевшими в плане гостеприимства.

– Да, действительно не все. Про Анну я забыл. Ну, зайдем, посмотрим, что тут за кухня «французская совершенно».

Ресторан, а точнее – ресторанчик, встретил их на входе швейцаром в фуражке с околышем золоченым, бородой до пупа и улыбкой до ушей. Молодой парень, лет двадцати, явно бороду подвязал, и Сергей потянул ее, убедившись в этом.

– Артист?– подмигнул он оторопевшему от его бесцеремонности парню и сунул ему в руку купюру, чтобы не держал обиды.— Веди уже, где тут кухня французская?–

Швейцар обиду спрятал под вернувшуюся на место бороду на резинке и поспешил впереди них, делая широкий жест рукой.

– Прошу, господа, в зал. Выбирайте любой столик. Их у нас двенадцать, как апостолов и все у окна,— швейцар не шутил, все столики действительно были расположены у окна, которое протянулось метров на тридцать и являлось настоящим произведением искусства. Высотой метра три, оно было выполнено в венецианском стиле со свинцовыми переплетами и цветными витражами. Впрочем, никто из парней в этом виде искусства не разбирался, и им просто понравилось, что окно большое, снизу прозрачное, а сверху темное, с рисунками. Выбрав столик свободный, стоящий крайним от входа, они сели лицом к залу, чтобы видеть присутствующих здесь посетителей.

Впрочем, их было не густо. Видимо позволить себе пообедать в ресторане могли в этом городе не многие. За столиком рядом с ними расположились двое военных, оба майоры артиллеристы и в середине зала еще одна пара. Явно супруги. Он в мундире чиновника таможни, а она, чем-то похожая на Клару, в шляпке немыслимой – эдакая клумба на голове, и с чопорным выражением, на застывшем словно маска лице.

Михаил открыл, предложенное подбежавшим официантом меню и принялся его не спеша изучать. Такой же «прайс-лист», в бордовой корке, получил и Сергей. Официант, почтительно склонившись, терпеливо замер в ожидании. Безупречная жилетка, белая рубашка и

бабочка черная «кис-кис», делала его похожим на бильярдного маркера из века 21-го и Михаил спросил его, совершенно не рассчитывая на положительный ответ:

– Скажите-ка, любезный друг, а в вашем заведении где-нибудь на его задворках, нет ли часом бильярдной?

– Отчего же-с на задворках-с. Очень даже приемлемое помещение и весьма удобно все размещено-с. Этажом выше если изволите, после того как закусите, пройти вон в ту дверь и подняться. У нас солидное заведение-с, господа. Все лучшее-с для господ посетителей. Чего изволили выбрать?– ответил ему «маркер», шаркнув ногой и склонив набок голову с безупречным пробормотом.

– Я, пожалуй, суп луковый попрошу подать и бифштекс по-гамбургски. Ну, и пиво баварское светлое, будьте любезны,– Михаил вернул меню официанту, который живенько отметил у себя в блокноте сделанный заказ.– А вы что изволите?– Обратился он к Сергею и тот, скривившись, спросил: – Ассортимент спиртного не блещет разнообразием. Где русская водка, сударь?– официант виновато потупился, прикрыв глазки и пригладив пробор, извиняющимся голосом, произнес:

– Прощенья просим, господа. Не подвезли. Второй день без водки мучаемся, а все, как сговорившись, только ее и требуют. А когда она есть, то и не нужна никому неделями. Стоит и стоит в бочке.

– Где стоит?– Сергей взглянул удивленно на официанта.– В бочке? Я не ослышался?

– Точно так-с. Нам ее бочками из России завозят, а уж здесь мы ее по бутылкам разливаем. И все у нас рассчитано было. Когда очередную заказывать. Раз в полгода завозили и всегда все было в аккурат.

– А в этот раз, что произошло, почему оплошали?

– Русские путешественники зашли вчера. Мимо проезжали и заглянули. Ох, и горазды пить они ее. Вдесятером зашли, с дамами, и всю бочку опростали. Просто конфуз вышел да и только,– развел официант руками.

– На сколько литров бочонок?– поинтересовался Михаил.

– На пятьдесят, господа. Но на две трети уже был пуст.

– Что же они впятером семнадцать литров вылакали?– удивился Сергей достижению неизвестных соотечественников в Австрии.

– Ну, что вы, я же говорил, что они с дамами зашли-с, а дамы, господа, русские – мужчинам русским, в этом деле, два очка вперед могут дать. Да-с.

– Все равно что-то многовато на одного человека получается, даже если дамы от кавалеров не отставали. Это же почти по два литра на человека получается. Что-то не верю, хоть и знаю этих русских и их возможности, но по два литра в один присест...

– Они не в один присест, господа. Они с утра зашли перекусить и ушли вечером, когда водка кончилась. И...– официант оглянулся по сторонам...– и шампанское. Так что его тоже нет в меню. Не подвезли.

– Они еще и шампанское все вылакали? Сколько же бутылок?

– Сорок,– официант почему-то побледнел. Очевидно, вспомнив что-то свое «девичье».– Но они его не пили а это, как это по-русски..? «Запивали» им водку.

– Гульнули, значит? А что так кисло вспоминаете? Заведение ведь в прибыли несомненной в тот вечер оказалось – почему же такой взгляд не веселый?

– Господа, мне-то что с прибыли хозяйской-с? Я от чаевых кормлюсь, а они всех клиентов в тот вечер отпугнули. Кто ни зайдет, бегут при виде их компании. А потом ведь эти русские не просто пьют водку, они норовят еще и угостить ей всех. А отказа не принимают. Сразу по лицу и больно притом. Еле домой после работы дошел. Думал, умру. О-ох! Я ведь этой водки и шампанского сроду не пил. А тут заставили. Уж никак не меньше бутылки шампанского выпил и водки два фужера. Они ведь ее не рюмками, господа, как все нормальные люди пили-с, а

фужеры потребовали-с,— официант потряс головой, будто стараясь вытряхнуть из нее жуткие воспоминания о том дне.— А потом, господа, они еще тут плясать принялись. Дамы на столы полезли и их русский кан-кан сплясали. Как это?— «Кадрил тфою мать». Посуда вся вдребезги, стулья переломали, разбили два витража и три зеркала. Господину Мееру пришлось полицию вызывать. Так они прибывший наряд полицейский сначала напоили, потом избили и...

— Что «И»?

— Потом опять их поили и целовались. Заплатили, правда, за все без споров. О-о, господа, не дай Бог вам такое увидеть. Или не дай Бог Австрии снова с ними воевать. А вдруг заявятся сюда их солдаты? Если господа и дамы так-то гуляют, то каковы эти будут?

— Те еще хлеще. Хотя у русских разницы никакой, когда водку пьют, то у них без разницы из какого сословия. Демократия наступает у них тогда. Они даже на другой день друг на друга не обижаются. С пониманием относятся. Вот если кто по трезвости, что ляпнет, тут кровная обида и то если не матерно, а с серьезным лицом. Скажем, если русского козлом назвать за то, что он вам на ногу нечаянно наступит, то не ждите от него извинений. Русский считает, что вы его еще пуще, чем он вас обидели и бить будет чем попало, пока извинения не услышит. Впрочем, он их и не слушает, просто бьет. Такой уж народ. Не называйте русских козлами, они этого не выносят. Обругайте, как угодно, он мимо ушей пропустит и даже в пояс поклонившись, со всем смирением прощения попросит, но не дай Бог козлом.

— Чем же им козел не нравится так уж?— удивился официант.

— Видите ли, сударь. Это их религиозность христианская так проявляется в миру. Господь ведь поделит всех на Страшном Суде на агнцев и козлищ. Вот русские и переживают. Они воспринимают оскорбление это, как намерение ваше на место Судии усесться и приговор окончательный произнести. Вот и бьют за Богохульство,— пояснил Михаил.

— Понятно. Ишь какие набожные,— удивился официант.

К их беседе прислушивались с явным любопытством артиллеристы майоры за соседним столиком и один из них, не выдержав, влез с репликой:

— Прошу прощения, господа, но вы совсем не знаете этот народ, а нам по долгу службы приходилось сталкиваться неоднократно.

— Где же это?— Михаил повернулся к майорам.

— На маневрах, господа, на маневрах. Австрия в прошлом году закупила в России партию строевых лошадей и нам выпала честь побывать в России. Уж нагладелись на тамошние обычаи и порядки. Офицеры в полках все пьяницы и бьют подчиненных смертным боем. При мне один капитан своему денщику глаз напрочь выбил за скверно, по его мнению, почищенные сапоги. При этом кричал,— «Я тебя, морда коровья, научу, как блеск навести и глянец».— Хрясь, глаз долой. Вот так-то. А вы говорите «любое оскорбление, кроме козла снесет».

— Так я ведь про солдат и народ простой и говорил,— возразил Михаил.— И вы этим примером только подтвердили мои слова. А вот попробовал бы капитан этот вместо «коровьей морды» козлом денщика обозвать, то тогда вы смогли бы увидеть русский бунт, «бессмысленный и жестокий», как выразился один русский же поэт. Денщик бы этому офицеру оба глаза выбил и сожрать заставил. А я бы и не удивился.

— Нет, вы не правы. Русскому солдату все равно, как его офицер оскорбляет. Самое грязное ругательство снесет, в том числе и «козла», каковое по моему мнению, совершенно безобиднее той же «коровьей морды»,— не согласился майор.

— А вы, господин майор, проверьте лично, когда опять в России случится побывать. Подойдите к любому солдатику или мастеровому, да и скажите ему,— «Козел драный». Можете даже вежливо при этом улыбнуться последний раз своими зубами. Потому что в следующий раз будете это делать вставными.

— Обязательно проверю,— кивнул упрямо майор.

— Камикадзе,— буркнул Сергей.

– Что вы сказали? – у майора оказался отменный слух.

– Я сказал, что вы самоубийца, по-японски «камикадзе» – смертник. Дам вам все же один совет. Когда русский услышав, что вы его козлом драным назвали, плюнет в кулак и полезет в драку, вы добавьте по громче, – «Этот ваш околоточный» и тогда русский, обиду забыв, последние свои гроши с вами пропьет.

– А кто такой «околеттошный»? – Майор достал блокнот и протянул Сергею. – Запишите, будьте любезны?

– Околоточный – это полицейский, – Сергей чиркнул фразу немецкими буквами, и майор старательно зашевелил губами, пытаясь произнести слово «околоточный» без ошибок. С третьего раза у него это получилось и он спросил:

– А если этому «околоточному» сказать, что он «козел драный»?

– Околоточный в кулак плевать не станет и в драку не полезет. Он же при исполнении, значит при сабле. Зарубит ей и все, – Сергей повернулся к замершему с открытым ртом официанту. – Сударь, вы наш заказ выполнять собираетесь? Мне тоже, что и моему спутнику.

– Извините-с, господа. Заслушался. Уж больно вы о русских интересно рассказываете. Будто сами там побывали.

– Не только побывали, но и жили долго, – кивнул Сергей.

– И как долго? – влез опять майор.

– Родились там, господин майор, – улыбнулся Сергей.

– Так вы русские? – обрадовался тот.

– Сразу предупреждаю, господин майор, не стоит на нас проверять фразу про козла.

– Ну что вы, господа, – майор стушевался. – С какой стати я стану вас оскорблять?

– Кто вас австрийцев знает? Вечно вы норовите подгадить ни с того, ни с сего. Примеров в мировой истории не счесть.

Глава 2

Майор сделал обиженное лицо.

– Однако, господин монах, вы конечно, если захотите, то припомните наверняка из истории массу примеров, но и я в ответ столько же приведу, когда наши государства, скажем мягко, подвели друг друга. Но это отнюдь не национальная черта, как у вас так и у нас. Это политика, господа, давайте забудем о ней. Кто-то сказал, что политика – самое грязное дело и я полностью с этим мнением согласен. Предлагаю выпить за дружбу между Россией и Австрией, и чтобы нам никогда не довелось встречаться на поле брани, а исключительно за столом.

– Это вряд ли получится, господин майор. В этом веке двадцатом, ваше пожелание минимум дважды не сбудется и крови будет пролито русской и австрийской столько, что если столько же вина выпить, то весь мир был бы пьян в драбадан, как минимум пару недель.

– Неужели столько много? Нет, господа, этого быть не может. Наши государи договорятся всегда. Они же все родственники, кого ни возьми, – майор, мужчина уже пред-отставного возраста, толкнул в плечо своего соседа по столу, помоложе и посдержаннее. – Фридрих, ты что молчишь? Разве мы хотим воевать с Россией?

– А кто нас спросит? – Фридрих был здоровым циником и прагматиком, как большинство офицеров во все времена, в отличие от его спутника, который в этом смысле был белой вороной и смотрел на мир через розовые очки пацифиста, что для военного недопустимо. – Прикажут. – «Заряжай». – И пойдешь, куда скажут.

– Верно, господин майор. Вы, я вижу, в отличие от своего коллеги, не столь оптимистичны? Прошу прощения. Мы в пылу полемического даже не представились вам. Михаил и Сергей – монахи из России, проездом в этом городке.

– Фридрих и Гельмут. Также проездом. В Вену направляемся из служебной командировки. А по поводу оптимизма, тут я бы, пожалуй, этот термин не употреблял. Я солдат и привык жить по уставам и приказам. Оптимизм – это совсем не то слово, которое следует употреблять по отношению к военному. Я трезво оцениваю ситуацию и делаю соответствующие выводы. А оптимизм и пессимизм давайте оставим барышням, которые, то впадают в глупую восторженность, то в крайнее отчаяние из-за пустяков, яйца выеденного не стоящих. Будет война, будем воевать, для этого мы и обрядились в мундиры, господа. Не будет войны, будем готовиться к ней, как армии и предписано. Любой. В том числе и русской.

– Согласен, господин майор. С вами трудно не согласиться. Как известно армия находится в двух состояниях. Либо воюет, либо готовится к войне. Такова профессия. А вот предложение вашего коллеги выпить за дружбу между Россией и Австрией я все же поддержу. Сейчас мы не воюем. Отчего и не выпить? Случится воевать, будем воевать. Потом опять сядем и выпьем. Идея-то хорошая, но в этом ресторане нет ни водки, ни шампанского. Только шнапс, рейнское и пиво. Что предпочитаете, господа? Впрочем, у нас с собой есть пару литров водки. Если не возражаете против русского национального напитка, после тех ужасов, что мы здесь услышали от официанта.

– Мы не возражаем, – улыбнулся Фридрих. – Нам приходилось в России пить водку. Как там русские говорят. – «Не так страшен черт, как его рисуют»?

– Малюют. Не рисуют, а малюют, – поправил Михаил майора, который фразу произнес хотя и скверно, но по-русски.

– Ах да, малюют, – поправился тот. – Я не вижу принципиальной разницы – это слова синонимы, но спорить не стану, вы язык знаете с рождения и вам виднее, как обращаться с вашим русским чертом. Рисовать или малевать. Несите, –

Михаил поднялся и вернулся через минуту с дорожной чересседельной сумкой.

Майоры пересели за их столик, официант расторопно сервировал его, и испуганно покосившись на запотевшую литровую бутылку водки, поспешно отошел шагов на пять. Там он замер, в ожидании указаний. Разлив всем по рюмке, Михаил, провозгласил дежурный тост за мир и дружбу между народами России и Австрии. Рюмки звякнули, сдвигаясь и через минуту беседа за столом оживилась, перетекая с политики на быт офицеров, женщин само собой и обратно возвращаясь к политике.

А зал ресторана тем временем постепенно заполнялся публикой и столов не занятых совсем не осталось. На маленькой площадке появился пианист во фраке и, откинув крышку пианино, заиграл что-то сентиментальное, растрогав майоров до слез. Следом за пианистом выскочил скрипач и принялся наяривать под аккомпанемент, совсем уж что-то душу выворачивающее. Публика вздыхала, а дамы вытирали носики, кружевными платочками.

Рядом с их столом, за тем, что освободили майоры, расположились две пары. Совсем молоденькие девицы, вчерашние гимназистки, с широко раскрытыми глазами и приоткрытыми ртами, возможно впервые приведенные в столь изысканное, по их мнению, место, кавалерами. А вот кавалеры были уже не первой свежести и глазами восторженно не блестили. Ловеласы, из чиновников средней руки, зацепили этих восторженных провинциалок в каком-нибудь пансионате для благородных девиц и пыжились, выставляя себя перед ними важными персонами. Меню однако им изучить не предложили, ткнув официанту в пару дежурных блюд и заказав пару графинов «Рейнского» и шнапса. Девицы умилялись, слушая скрипача, а кавалеры подливали им вина, явно пытаясь подпоить простушек. Михаилу стало жаль девиц, день у которых мог закончиться самым удручающим образом. Он щелкнул пальцами и одна из девушек, благодарно взглянула на своего кавалера, уговорившего ее пригубить вина. Напрасно она подзревала его в не совсем чистых намерениях, когда он утверждал, что «Какое же это вино – это лимонад, фройляйн, сладкий и полезный. Это для детишек. Разве я посмел бы вам предложить что-либо другое?» – в рюмке действительно был лимонад и барышня удивилась, что в ресторане его пьют такими маленькими рюмочками. Поэтому она тут же, с простотой сельской, схватила огромный фужер, предназначенный для сельтерской и уже опустошенный спутниками. Выплеснула в него весь графинчик и одним махом выпила его, приведя кавалера в некоторую растерянность.

– Великолепный напиток, – похвалила девица. – Рейнское говорите? Хочу еще. Здесь очень жарко, нельзя ли открыть окна?

Окна официанты услужливо распахнули тот час же, по просьбе кавалеров и принесли очередной графинчик Рейнского.

– Фи, какие маленькие графины, – сморщила носик девушка. – Марта, попробуй этот лимонад, – она быстро разлила по фужерам литровый графин и девушки, радостно улыбаясь, выпили вино, приведя кавалеров в совершенное изумление. Решивших, однако, что после такой ударной дозы Рейнского, этим двум проказницам можно уже предложить и что-нибудь покрепче. Шнапса, например.

– Не желаете ли вот этого «лимонада» из второго графина? – предложил один из них, здоровяк с пышными бакенбардами и усами «а ля Император».

– Такой же вкусный, как и этот? – наивно округлила глаза Марта. – Клара, тебе налить?

– С удовольствием, если господа так заботливы, – Клара подставила свой фужер и Марта разлила шнапс, честно поделив его поровну. Кавалеры даже рты раскрыли, ожидая, что эти две простушки, сейчас сделав глоток, закатят истерику из-за этой невинной шутки, поняв, что им подсунули под видом лимонада и приготовившись их успокаивать, заранее заготовив фразы типа. – «Ах, какой конфуз, это официант перепутал, очевидно. Сейчас мы ему устроим эль скандаль, недотепе», – однако девушки махнули фужеры, как будто там действительно был лимонад и весело защебетали, делясь впечатлениями. Кавалеры мрачно переглянулись, поняв, что кажется, их совместный бюджет сегодня может подвергнуться нешуточному

испытанию. Однако пару графинов Шнапса все же заказали, отказавшись от Рейнского, которое было вдвое дороже шнапса и было по бюджету ловеласов гораздо ощутимее. А на наивных дурочек после выпитого «лимонада» напал «жор» и они, продолжая весело щебетать, быстро подмели все со стола, к радости официантов и огорчению кавалеров. Очередной графин литровый шнапса, девушки выпили так же молниеносно, запивая селедку, которая, конечно, приготовлена в ресторане была вкусно, но очень была соленой и буквально требовала залить себя сверху чем-нибудь сладеньким. Кавалеры, успевшие выпить по рюмке, обалдело пялились на пустой графин и девиц, которые шарили по пустому столу глазами, в поисках чего-нибудь съестного. Пришлось заказать девушкам еще закуску и они, обрадовано улыбаясь, навалились на нее, попутно выпив второй графин и приводя в ужас кавалеров. Даже официанты озадаченно стали переглядываться, украдкой шепча друг другу что-то на уши.

Очевидно, ожидая, когда эти две гимназистки, рухнут под стол, получив в течение получаса такую ударную дозу спиртного. Однако этого не происходило. Графины катастрофически опустели, закуска с тарелок так же исчезала в растущих, надо полагать, еще организмах и кавалеры, уныло переглянувшись, вышли освежиться. Обратно они не вернулись. Сбежав от своих спутниц, очевидно, такие расходы ими не были запланированы. Официант, поняв, что столкнулся с неплательщиками, попытался было «дакнуть» на Марту с Кларой, но был вовремя остановлен Михаилом, внимательно наблюдающим за соседним столиком. Он подозвал официанта и на ухо ему сообщил, что расплатится за девушек, а им открыт сегодня карт-бланш неограниченный. Пусть едят и пьют сколько хотят.

– Сообщите им, что они сегодня тысячные или десятитысячные клиенты и что заведение угощает. Пусть выбирают в меню все что хотят, – Михаил сунул в руку официанта пару купюр и тот понимающе кивнув, отправился сообщать девушкам приятную новость. Восторг последних был искренним и скоро стол соседний ломился от фруктов и сладостей.

Два майора – Фридрих и Гельмут, в отличие от девиц, на водку русскую не набросились, так как уже сталкивались в жизни с этим напитком и с лимонадом его перепутать во всяком случае не могли. Выпив по паре рюмок, прикрыли их ладонями, отказавшись от дальнейших возлияний.

– Служба, господа, просим понять нас правильно, но нам пора. Посему позвольте откланяться, – и педантично расплатившись за съеденный обед, удалились.

– Вот видишь? Парни на халяву не повелись. А вот если бы здесь сидел Алоис-покойный, то заливал бы глаза, пока в салат бы мордой не уткнулся, – Сергей слушал скрипача, подперев голову кулаком.

– Моцарта наяживает, шельма. Эй, халдей, как там тебя звать? – позвал он официанта и тот подбежал на полусогнутых, вежливо склоняясь к Сергею.

– Меня Отто зовут, господин монах, – представился он.

– Хозяин кабака что ли? – уставился на него слегка захмелевший Сергей, выпивший с майорами совершенно добросовестно пару рюмок.

– Ну, что вы. Как можно? Отто Меер – хозяин. А я Отто Брауншвейк.

– Твоя фамилия мне больше нравится, – сделал ему комплимент Сергей. – Что это за фамилия Меер? Козья совершенно. Толи дело у тебя, – Сергей хлопнул официанта свойски по склоненному плечу. – Брауншвейк. Академическая фамилия. С такой фамилией в правительстве министром не стыдно показаться или в армии генералу не стыдно носить. Гордись, парень, и бросай это холуйское ремесло. Ты же молодой еще. Иди учиться в Университет, Отто. Грызи гранит науки и оправдай свое высокое предназначение, которое заложено даже в твоей фамилии. С такой фамилией и работать на какого-то Меера с козьей?

– Я поступал в прошлом году, но провалился на испытательных экзаменах, – признался Отто, растроганный панегириками Сергея.

– Поступай снова в этом году. Найми репетитора, подготовься как следует и поступи назло этому Мееру.

– Не имею финансовой возможности, господин монах. Репетитор стоит талер в месяц – самый плохой. А хороший преподаватель и все пять попросит. А мне еще нужно помогать матушке. У меня отец кровельщик и в прошлом году получил травму. Работать не может пока. Так что я сейчас единственный кормилец в семье,

– Отто даже разогнулся, вспомнив о том, что он человек и что на нем висит семья.

– Ты присядь, чего стоишь. В ногах правды нет, так у нас говорят.

– Запрещено, господин монах. Этика и все такое, – прошептал Отто и осторожно оглянулся на своих коллег, снующих между столами. Всего их было трое и один из них, видимо старший в бригаде, уже косо посматривал в их сторону.

– Понимаю. Скажи, Отто, сколько ты зарабатываешь в месяц в этом гадюшнике?

– Талер на чаевых, господин монах, – признался Отто.

– Зови меня Сергей, к черту господ, Отто. Значит, если сейчас ты найдешь на улице кошелек с двадцатью скажем талерами, то ты немедленно бросишь это холуйское место, наймешь репетитора и поедешь летом в Вену, поступать в Университет?

– Нет, Сергей, не поеду, – Отто вздохнул. – Я отнесу кошелек найденный в полицию. Ведь его кто-то потерял, а я не хочу за счет чужого горя строить свое счастливое будущее. Я католик. Найденное и присвоенное – это украденное. Так меня учили.

– Хорошо. А если тебе кто-то окажет помощь безвозмездную на эту сумму? Тогда поедешь в Вену?

– Нет и тогда не поеду. Если я поступлю, то кто будет кормить мою семью? Отец пока болен и сколько еще срастаться будет его сломанная нога? Одному Богу известно. Пока он не выздоровеет, я не смогу уехать из Линца никуда. Даже если меня возьмут в Университет без испытательных экзаменов.

– Ну ты, парень, кремень прямо. Семья, значит, на первом месте?

– Да. А как же иначе? Мать с отцом меня кормили, одевали столько лет и оплачивали учебу в школе, как же я могу взять и бросить их, когда им трудно, – Отто мрачно насупился.

– Может, ты и сумму подсчитал, которую на тебя родители израсходовали за все годы? – спросил Сергей.

– Это еще зачем? Разве это можно на деньги перевести? Когда я болел в детстве и матушка сидела ночами надо мной. Сколько стоит это? Нет, такое мне даже в голову не приходило. Совсем нужно быть не в себе, чтобы переводить на деньги любовь и заботу.

– А вот есть такие и их много. Мы сегодня в такой семейке побывали. Садись, Отто, плюнь вон на того придурка с рыбьими глазами. Обещаю, что мы решим твои проблемы. Дело в том, что тебе повезло. Мы когда выезжали из обители, то настоятель нам приказал в честь святого Варфоломея, оказать вспомоществование в сумме тысяча талеров тому, кто на вопрос про кошелек, скажет что не возьмет его себе. Ты первый из сотен опрошенных. Так что это ты и есть тот самый, которому мы должны эти талеры передать. Держи,

– Сергей полез в сумку и выложил перед Отто увесистый кошелек с серебром. – Здесь твой заработок за восемьдесят лет. Это от Святого Варфоломея. Славный был человек. Настоящий католик, бескорыстный и милосердный. Садись, Отто, и пошли всех куда-нибудь подальше. Ты теперь это можешь себе позволить, – Отто изумленно смотрел на кошелек и молчал. Наконец он сел на краешек стула и развязав кожаный ремешок, стягивающий мешочек, заглянул в него. Серебро блеснуло и он спросил дрожащим от волнения голосом:

– Это мне?

– Тебе и твоей семье.

– От Святого Варфоломея?

– От него. Бери и будь хозяином своего времени и судьбы по возможности. Ты свободен, Отто, от халдейского рабства,

– Сергей плеснул в рюмки водки и предложил:

– За это нужно выпить. Давай за тебя, за семью твою, за учебу в Университете и за святого Варфоломея.

За это отказаться выпить Отто не мог и рюмку принял, осторожно поднеся ее к губам. Руки у парня дрожали от волнения и он выпил торопливо водку, боясь ее расплескать.

Старший официант, увидев что Отто уселся за столик с клиентами и пьет с ними спиртное, буквально подбежал к нему и зашипел рассерженным гусакom:

– Отто прекрати, иначе я вынужден буду доложить господину Мееру о твоём поведении и боюсь, что он немедленно вышвырнет тебя из своего ресторана. Мне бы не хотелось этого, но ты ведешь себя непозволительно. Немедленно покинь стол и принимайся за работу,– все это он прошипел со скоростью запредельной. Фразы произнесенные, слились в один длинный звук ш-ш-ш-ш. Отто дернулся было, но Сергей удержал его, положив руку на плечо.

– Сиди. Слушай, сюда, как говорят в Одессе, господин старший официант. Ответь на пару вопросов. Всего,– обратился он к старшему официанту.

– Слушаю вас,– согнулся тот почтительно.

– Скажи, если бы ты нашел на улице кошелек с тысячей талеров, то чтобы с ними сделал?

– Я бы? Я бы открыл пивную собственную-с и купил упряжку лошадей,– не задумываясь, ляпнул тот, видимо первое, что пришло ему в голову, чтобы отвязаться от подвыпившего клиента.

– Молодец, знаешь чего хочешь от жизни. Но ведь эти деньги кто-то потерял и у него по этому поводу горе?

– Какое мне дело до этого ротозея? Не будет ворон ловить в следующий раз,– старший официант действительно знал чего хотел и совесть у него была покладистой.

– Все, вопросов нет. Так вот, этот парень, только что получил наследство ровно тысячу талеров и с этой минуты уже не работает официантов в вашем ресторане. А мы любезно ему их доставили по просьбе завещателя. Вопросы есть? Вот талеры,

– Сергей ткнул пальцем в мешок и старший официант, сунул нос в него, убеждаясь, что так оно и есть.– Свободен. Теперь Отто просто клиент, который зашел перекусить. Так что обслужи-ка его со всем старанием. Возможно, что сейчас он богаче даже чем Отто Меер. И вообще это событие следует отметить. Вы не находите, сударь? У вас там, я смотрю, в меню, в карте вин, коньяк французский указан. Есть ли он в наличии, или его тоже не завезли?

– Коньяк есть, как же-с. Двадцать бутылок в наличии-с,– старший официант угодливо склонился.

– Всем присутствующим, за наш счет по две бутылке коньяка на стол. И счет будьте любезны, милейший,– распорядился Серега.

Слух о том, что в ресторане один из официантов получил в наследство целое состояние, тут же облетел зал. И он загудел, а потом разразился аплодисментами, когда присутствующим было объявлено о дармовом угощении. Ничто так не сближает людей, как бескорыстное желание выпить за чужой счет.

Парни расплатились и покинули зал с Отто, который принимая поздравления от коллег, не знал куда прятать глаза от смущения. Ему было не ловко от завистливых взглядов и угодливых, лицемерных улыбок. Зато посетители, дружно встали и хором крикнули:

– Виват,– приняв по первой рюмке, они искренне обожали парня, а впереди их ожидали почти полные бутылки коньяка и желание выпить их непременно, чего бы им это ни стоило. Хоть треснуть, но прикончить, чтобы не сожалеть потом об утраченной возможности. Даже дамы настроились решительно. Разве что две гимназистки, не поняв, что такое им еще принесли в пузатых бутылках и плещут опять в маленькие рюмки, решительно воспротивились

против мелкой посуды и набухав коньяк в фужеры, принялись прихлебывать его неспешно, запивая очередную порцию мороженого, до которого оказались большими охотницами. И когда весь зал крикнул «Виват». Они тоже восторженно заверещали, но коньяк у них к тому времени уже закончился. Да и было-то его всего две пол литровые бутылки. Чего там пить... двум сильным и здоровым девушкам? Прикинув их возможности, Михаил рассчитался за них, швырнув сверху пару монет и попросил старшего официанта:

– Через часок отправьте их домой. Что съесть не смогут, упакуйте, пусть подружек в пансионе угостят. Сдачу им, как презент от заведения, а этот талер ваши чаевые. Смотри, парень, не подведи меня. Я в этом городке частенько бываю. Узнаю, что схитрил и девушек обидел, очень тоже обижусь и не будет тогда у тебя никогда собственной пивной и упряжки лошадей. А будет долгая дорога в казенный дом. Вопросы есть? Нет, – в результате гимназистки, уходящие из ресторанчика, перли два огромных пакета с продуктами и получили десять талеров сдачи. Девушки еле шли, нагруженные продуктами и устав, наняли извозчика. Потом они будут встречаться всю оставшуюся жизнь и до самой старости вспоминать этот свой первый «взрослый» поход в ресторан. Кавалеры, правда, сбежали, но все остальное было настолько замечательно, что они даже и не вспоминали о них.

Отто Брауншвейг, проживал совсем рядом и буквально затащил к себе Михаила с Сергеем. Мотивируя это тем, что его родители, узнав что он их отпустил, просто не простят ему такую неблагодарность и «заживо съедят».

– Ну что же, убедил. Только чтобы воспрепятствовать распространению каннибализма в Линце, – согласился Сергей и Отто чуть не запрыгал от радости.

– Здесь совсем рядом. Сейчас с Ландштрасе свернем на Бетлехемштрассе и первый дом наш от угла, – радостно закричал он, держа в руках так же здоровенный бумажный пакет с продуктами, заботливо перевязанный бечевкой крест – накрест. Семья Отто проживала в двух-этажном флигельке на первом этаже и была по меркам начала двадцатого века не велика. Кроме Отто еще сестренка младшая и младший же брат, ютились в двух комнатенках вместе с родителями.

Отто встретили с испугом в глазах. Подумав, что он пришел так рано, потому что его уволили из ресторана. Фрау Брауншвейг, еще не старая женщина, лет сорока, работала от случая к случаю прачкой и сейчас сидела без работы. Глава семейства и вовсе лежал. Зимой он поскользнулся и упал с крыши городской ратуши. Ногу сломал в двух местах. Убился бы и вовсе, но упал в сугроб и отделался переломами.

Однако, они плохо срастались и ходить он не мог. На врачей денег в семье также не было и что там с его ногой, он имел совершенно смутное представление. Нога болела и опухала с каждым днем все сильнее, наливаясь синевой.

Узнав о тысяче талеров, неожиданно полученных, семья Брауншвейгов буквально онемела, не поверив, а когда увидела деньги, то зарыдала в восемь ручьев. От счастья очевидно. В их мрачном существовании, блеснул солнечный лучик, ослепив и выдавив слезы из глаз.

Фрау Брауншвейг, которую звали Ингрид и герр Брауншвейг Карл искренне радовались, проливая слезы. Брат и сестренка Отто – Людвиг и Анна, прыгали вокруг него, нетерпеливо высматривая, что же там старший братец принес вкусенького и выкладывает на стол из пакета. В общем, поднялась суматоха заполошенная и веселая. Фрау Ингрид принялась накрывать на стол, совершенно не слушая уверений сына и гостей, что они не голодны и только что пообедали. Даже Карл, забыв о больной ноге, попытался встать с постели и охнув, рухнул на нее, закрипев зубами от боли.

Фрау Ингрид кинулась к мужу, принявшись отчитывать его сердито:

– Ну, что ты вскакиваешь? Лежи, Карл, у меня сердце оборвалось. Нельзя так пугать. Лежи, лежи, – фрау Ингрид поправила подушку под головой мужа и чмокнув его в лоб, кину-

лась хлопотать дальше. Михаил присел рядом с лежанкой Карла на низкую скамеечку и улыбуясь спросил:

– Пульсирует место болезненное?

– Да. Терпения уже нет никакого, – признался Карл.

– Я немножко врач. Разрешите осмотреть вашу ногу? – Михаил откинул тонкое одеяло с ноги Карла и положил руку ему на икру.

Два закрытых перелома оказались со смещением и поврежденные ткани не срастались, потому что острые обломки резали их постоянно при самом незначительном движении, которых конечно же избежать было нельзя.

Кровельщику даже не наложили лубков сразу после падения, посчитав, что если нога на вид цела и крови нет, то все обойдется. К врачам из-за безденежья вовремя не обратились и теперь процесс воспалительный грозил стать необратимым. В перспективе Карла ожидала ампутация, в лучшем случае.

Михаил обезболит ткани и вправив кости на свое место, перетянул ногу Карла бинтом, который принес ему Сергей из аптечки. Приспособив пару дощечек, принесенных по его просьбе Людвигом, он зафиксировал их опять же эластичным бинтом и заверив Карла, что через пару дней он будет ходить, оставил ему баночку мази, которой предварительно смазал ногу перед перевязкой.

– Фрау Ингрид, завтра и послезавтра перебинтуете Карлу ногу и смажьте как следует этим средством. Через неделю будет здоров.

– Что вы, какая неделя? – не поверила фрау Ингрид. – Хоть бы к осени поправился и то Слава Богу.

– Это наша мазь, монастырская, она просто чудеса творит. Так что через неделю даже хромота не будет, – заверил ее Михаил.

– Вот уж спасибо, – фрау Ингрид взяла бережно мазь и понюхала баночку. – Ландышами лесными пахнет, – прошептала она.

Михаил никогда не принимавшийся к снадобью допотопному, удивленно приподнял брови и тоже нюхнул. Мазь действительно, едва уловимо, пахла именно ландышем.

– А я-то думал из чего она... – произнес он смущенно, будто его уличили в мошенничестве. – Сколько пользуюсь и только сейчас с вашей помощью, фрау Ингрид, понял что за запах. У вас просто задатки дегустатора парфюмерного.

– Ну, какая я дегустатор, я прачка и больше не умею ничего. Приготовить пищу для семьи, рукодельничаю, конечно, по необходимости, вот и все мои таланты, – возразила женщина. – Прощу к столу.

«Стол» было сказано торжественно, будто фрау Ингрид приглашала их к столу, как минимум королевскому. Впрочем, для Людвига с Анной он таковым был несомненно. Накрытый праздничной скатертью, он стоял в соседней комнатенке и вокруг него, ломившегося от деликатесов, стояли шесть настоящих венских стульев, которые Людвиг с Анной собрали, оббежав соседей.

Карл, после перевязки, получив внезапное освобождение от мучившей его месяцами боли, уснул так крепко, что фрау Ингрид попытавшаяся его разбудить, чтобы накормить, отошла от его постели, улыбаясь и плача одновременно:

– Уснул и спит так сладко, что жалко будить, – сообщила она детям.

– Пусть спит. Он ведь уже полгода не спит по настоящему, так что пусть отсыпается. Чем дольше проспит, тем лучше. Быстрее поправится, – посоветовал Михаил.

Карл проспал трое суток, а проснувшись, так был голоден, что встав ранним утром самостоятельно с постели, присел к столу и принялся уплетать, все что подвернулось под руку. Организм выздоровевший, требовал калорий. Проснувшаяся Ингрид, изумленно наблюдала, как ее муж расхаживает, слегка прихрамывая по комнате и потрошит кухонный шкафчик.

Увидев, что муж принялся наворачивать ложкой сырую муку, она вскочила, отобрала ее у него и принялась растапливать печь, чтобы разогреть ему три завтрака, обеда и ужина, которые он пропустил.

Монах не обманул, через неделю Карл уже не хромал совершенно и лицо его налилось здоровым румянцем. Этих двух монахов из России, семья Брауншвейгов не забудет никогда, отмечая ежегодно день их появления, собравшись за столом и читая все вместе молитву Святому Преподобному Варфоломею. Жизнь семьи с того дня резко переменилась к лучшему и воспринималось это как явленная им милость Божья и чудо явленное посредством Православных монахов Михаила и Сергия. Отто летом сдал экзамены успешно в Университет в Вене, закончил его и достиг затем высокого положения в науке и общественной жизни. Но он так же запомнил на всю жизнь каждое слово сказанное ему тогда в ресторане Сергеем и потом, когда они прощались на пересечении Ландштрассе и Бетлехемштрассе.

– Живи, Отто, и радуйся жизни. У тебя будет трудная и интересная жизнь. А век грядущий, к сожалению, будет кровавым. Война и революция развалят Австрийскую империю Габсбургов. Я бы посоветовал вашей семье вообще уехать из Австрии в Швейцарию перед четырнадцатым годом лет на семь и перед сороковым лет на пять. Это будут самые трудные времена для Австрии. Если сможешь, то увези семью на эти годы. И помни, Отто, что две грядущие, страшные войны, Австрия будет воевать против России. А это наша Родина. И если тебе всучат в руки винтовку, то каждый твой выстрел может оказаться в меня или Михаила.

– Я никогда не возьму в руки оружие. Клянусь Святым Варфоломеем,– воскликнул со слезами на глазах бывший официант и будущий профессор. И он сдержит свое слово.

Глава 3

В июле 1914-го года Европа и весь мир стояли на пороге Первой Мировой войны. Которую назовут тогдашние средства массовой информации «Великой войной», а в Российской Империи «Второй Отечественной». Первой Мировой она станет, когда грянет Вторая Мировая.

Великая война назревала, как фурункул на теле Европы и уже прогремевшие выстрелы Гаврилы Принципа в австрийского престолонаследника Франца Фердинанда и его жену Софию в Сараево, включили отсчет последнего мирного месяца. Ровно через месяц, 28-го июля, тяжелая артиллерия Австро-Венгрии принялась палить по столице Сербии Белграду. Короли и цари европейские, забыв о том, что они братья и сестры, объявили о мобилизации резервистов и военный Молох начал набирать обороты, чтобы в течение следующих четырех лет перемолоть 12-ть миллионов человек разных национальностей и еще 50-т миллионов превратить в калек.

Последний мирный месяц, дышал тревогой и кричащие со страниц газет новости, заставляли обывателя во всех странах Европы терять сон и аппетит, беспокойством наполняя их души и сердца. Неуверенность в завтрашнем дне не могли развеять ура-патриотические заявления политиков, народы инстинктивно предчувствовали море крови, миллионы смертей и беды, которые неотвратимо должны были обрушиться на большинство голов подданных всех этих «братьев и сестер, кузенов и кузин, дядюшек и бабушек», красующихся в горностаевых мантиях с коронами в бриллиантах размером с кулак на пустых головах. Пустоголовость эта, вдруг, как эпидемия охватившая все царствующие тогдашние династии, обошлась народам Европы такими реками крови и слез, что, пожалуй, слова Михаила, «что мир выпив столько же вина был бы пьян в драбадан, как минимум пару недель», сказаны им были не достаточно сильно.

Вена в июле 1914 напоминала военный лагерь, поднятый по тревоге. Марширующие по улицам столицы Австро-Венгрии колонны наполнили их настолько, что это количество заставляло обывателя пыжиться в патриотических порывах и частично верить в непобедимость Империи Габсбургов. Самая неустойчивая из существующих тогда, она первой начнет стрелять и развяжет бойню, в результате которой трон Габсбургов рухнет, а Империя развалится на множество мелких удельных псевдodemократических государств.

Михаил с Сергеем появились в Вене в середине июля у Академии изобразительных искусств на Шиллерплац.

– Ты уверен, что он здесь появится?– Сергей разглядывал помпезное крыльцо Академии с колоннами.

– Непременно. Он не оставил мысль поступить сюда. Дважды пытался уже, но не получилось. Вообще-то Адольф живет в последнее время в Мюнхене на улице Шлейхесмер. Поселился там при магазинчике художественном. Хозяина зовут Йозеф Попп. Пустил парня, потому что разглядел в нем одаренного копииста. Адольф перерисовывает с открыток всякую хрень, а Попп впаривает ее туристам. Из Вены Адольф умотал по банальной причине, от призыва на службу в армию «косил». Не хотел служить. Но в прошлом году в декабре его достали и в Мюнхене. Полиции двух стран взаимодействуют вполне успешно. Мюнхенская Адольфа, по просьбе Австрийской, разыскала и арестовала. Новый год 1914-ый будущий фюрер встретил в тюремной камере. Отсидел все праздники январские и в конце месяца его депортировали в Австрию, где он вынужден был пройти медицинскую комиссию. Для Адольфа, скрывавшегося от призыва сюрпризом оказалось то, что комиссия признала его непригодным для военной службы по состоянию здоровья. Зря скрывался, шарахаясь от каждого встречного полицейского. Комиссию он почему-то проходил в Зальцбурге. Наверное, потому что там тюрьма хорошая, вместительная. Помнишь братца его Алоиса?

– И даже папашу с такой же кликухой, пока еще не забыл. Век бы их не видеть,– усмехнулся Сергей.

– Ну, так вот. Гитлер, комиссию не пройдя, помчался естественно в Мюнхен обратно. Теперь его этот город не держит, а Вена ждет, в нашем лице, на этих ступеньках.

– И он появится сегодня здесь через пять минут?

– Появится сегодня, но не через пять минут, а минут через десять. У него, вот на этом крылечке «стрелка забита» со своим старым приятелем. Как уж они договорились о встрече история умалчивает, но была она не случайна и сыграет некоторую роль в дальнейшей судьбе фюрера.

– И что за деятель?

– Эрнст Юлиус Рэм. Будущий организатор штурмовых отрядов СА и соратник Гитлера. Познакомились они в 1920-м. Так считается исторически, но у меня появилось подозрение что Адольф познакомился с Рэмом гораздо раньше. Еще до войны. Рэм уже служит в армии – офицер, обер-лейтенант. И именно тогда он организовал первую молодежную патриотическую банду «отморозков». Ну и не ленился по возможности их опекать. К тому же он еще и гомосексуалистом был, поэтому молодежь любил натурально. К Адольфу, похоже, был не равнодушен и приметил его в Мюнхене. Адольф любил посещать пивной зал «Бюргербройкиллер», где тогда собирались патриоты. Там они, очевидно, и познакомились. Рэм взял отпуск на пару дней, что бы помочь фюреру поступить в Академию. У него здесь родственник работает кем-то. Сейчас появятся,– Михаил взглянул на часы.

– Вот, пожалуйста, немецкая пунктуальность, ровно 14.00. Оба одновременно, с разных сторон, будто за углом стояли, на стрелки часов плясь.

– Вполне возможно. Вон тот толстяк с пивным брюхом Рэм?

– Эрнст Рэм. Ишь ты, в цивильном, видать мундир надоел.

– Адольф-то тоже не хило прикинут. С иголки лапсердак и шляпа, как у Чикагских гангстеров. Молодой мафиози.

Встретившиеся Эрнст и Адольф, обменялись рукопожатиями и Эрнст принялся что-то втолковывать Адольфу, резко тыкая указательным пальцем правой руки вниз. Расстояние до них было великовато и городской шум глушил голоса, поэтому Михаил высвистел Филю и распорядился считать артикуляцию губ. «Троян» – воробей, примостившись на его плече, установился видеосенсорами в сторону разговаривающих Эрнста Рэма и Адольфа Гитлера, переводя артикуляцию в слова. – «Ты, Адольф, верь мне. Если я за что-нибудь берусь, то непременно довожу дело до успешного конца. Принес рисунки?» – это Рэм говорит, – прокомментировал Филя.

«Принес, вот они». – А это Адольф, – Филя ворохнулся и продолжил:

– «Давай сюда, я сам отнесу их этому Мойше, пусть только попробует сказать, что ты не талантлив, застрелю каналью прямо в аудитории. Жди здесь». – Эрнст выхватил папку с рисунками из рук Гитлера и решительным шагом направился вверх по ступеням, в сторону входа в Академию. Гитлер безусый пока еще, с легким пушком над верхней губой, задрал лицо вверх и прижмурил глаза. Некоторая лупоглазость делала лицо молодого фюрера несколько нагловатым. И наглость эта зримая, будучи и одной из черт его характера, с успехом работала на него «являясь вторым счастьем».

– Шмон? Если СТН таскает с собой, то сюда наверняка с ним пришел, – Сергею не терпелось вывернуть карманы Адольфа.

– Ну, не на крыльце же прилюдно у него по карманам шарить?

– Почему бы и нет? Заморозь, а я кинусь его обнимать, будто друга детства встретил, заодно и обыщу. Не носит же он его в нижнем белье, паразит.

– Уговорил, – Михаил щелкнул пальцами, подловив Адольфа в тот самый момент, когда он полез за чем-то рукой в черный пиджак. Гитлер замер, приоткрыв рот в полужевке, оче-

видно, не выспался ночью и Сергей подскочив к нему, принялся радостно обнимать, хлопать и трясти. Тряс он Адольфа минут пять, так что даже шляпа с фюрера будущего слетела и запрыгала по ступенькам. Проверив боковой карман «лапсердака» Сергей вывернул массу мелочи различного предназначения: Зеркальце, пилку для ногтей и кучу монет мелкого достоинства, в основном пфеннигов. Все это посыпалось на ступеньки и поскакало в разные стороны.

– Ну, блин, сейчас еще штаны с него снимет и вытрясет из них все на эти же ступеньки, – поморщился Михаил, наблюдая за действиями Сергея. А тот продолжал хлопать фюрера по организму замеревшему, и расспрашивать его о жизни.

– Ну как ты там, Адольф? Чего рот раскрыл, как вон тот кентавр, который памятник? – Сергей кивнул в сторону статуи на крыльце Академии. – Поступать опять решил? Зря, – СТН не обнаружился и Сергей начинал нервничать. Обнимал и хлопал он Адольфа по этой причине, все энергичней и радостней.

– Кому ты сельский валенок тут нужен? Рисунки у тебя дерьмовые. Розочки, как институтка, с открыток перерисовываешь и синагоги еврейские. Ты что, Адик, иди работать сапожником, как твой папаша, – мелочь, правда, Сергей аккуратно со ступенек собрал и даже осколки зеркала до мельчайшего поднял и честно ссыпал все обратно в карман хозяину. Шляпу тоже принес и нахлобучил Адольфу по самые брови.

Вернувшись к Михаилу, посетовал: – Пустой, гад. В Мюнхен придется ехать на квартиру или багаж его сначала проверим?

– Багаж? Впрочем, какой-нибудь саквояж с собой у него должен быть наверняка. Интересно он на сколько дней сюда заявился? Пошли-ка за этот постамент спрячемся. Сейчас размерет и будет не в себе. Ты же его, как боксер грушу пять минут обрабатывал, – спустившись по ступеням, они обошли кентавра и Михаил щелкнув пальцами, Адольфа освободил. Вернувшиеся ощущения физические, очевидно, все сразу, так не понравились фюреру, что он завопил в полный голос: – Доннер Веттер!! Вас ис Дас?

– Не нравится, блин, – усмехнулся Сергей, выглядывая украдкой из-за лошадиных копыт.

– Он весь в синяках наверняка, после твоего «шмона».

– Ничего, не сдохнет, – хмыкнул Сергей. – Глянь-ка, полиция заявила на моторе.

К крыльцу Академии подлетел пикап черного цвета и из него выскочили четверо блюстителей порядка. Бегом они поднялись по ступенькам, бесцеремонно отшвырнув в сторону попавшегося им на пути Адольфа. Едва устоявший на ногах Гитлер, злобно выругался им вслед. Обратно полицейские вернулись минут через пять, волоча и пиная арестованного и закованного в наручники Рэма.

Рэм орал, что он офицер, что обер-лейтенант и что все евреи свиньи, а полиция Австрии им продана с потрохами. Полиция Австрии в лице ее четверых нижних чинов, такого оскорбления в свой адрес не спустила скандалисту и пинками зашвырнув в тарантас, укатила, громяхая рессорами.

Дверца при этом слегка на прощанье распахнулась и на мостовую вылетела папка с рисунками фюрера. Листы ватмана вспорхнули голубями из нее плохо завязанной и понеслись по площади имени Шиллера, подгоняемые порывами июльского ветра. Адольф, увидев свои гениальные несомненно рисунки, летящими и гибнущими под ногами людей и копытами лошадей, кинулся их собирать, самоотверженно бросаясь под экипажи. Пару листов ветром крутнуло и опустило прямо к ногам Сергея и Михаила.

– Что он тут изобразил? – Михаил нагнулся и поднял рисунки. – Цветочки, а вот женщина вполне ничего выписана. Возьмем на память или вернем «гению всех времен и народов»?

– Я эту мазню даже в руки брать не хочу. Противно. Вроде как его глазами на мир смотришь. Вон, отдай пацану, пусть отнесет Адольфу, – скривился брезгливо Сергей.

Мальчишка с удовольствием выполнил поручение, получив за труд монетку и Гитлер, схватив рисунки, бережно уложил их в папку. Он еще долго носился по всей площади, собирая

свои произведения и даже полез на фонарь, к которому ветром прицепило один из «шедевров». Лазил по фонарям фюрер отвратительно и раз пять сползал с него, привлекая своими потугами ротозеев. Собравшись вокруг фонаря, они с удовольствием давали ему бесплатные совершенно советы, но Гитлер почему-то не желая ими воспользоваться, раз за разом тупо пытался доползти до листка ватмана, облепившего столб. И это ему удалось, дополз и почти схватил добычу вожаком, но по закону Мерфи, или как говорят русские «по закону подлости», листку видать надоело висеть трепыхаясь и он, скользнув между трясущимися пальцами фюрера, упорхнул дальше, взвившись голубем в небо. Там он покружил слегка и спикировав вниз, припарковался на шляпку, проезжавшей мимо дамы в экипаже. Шляпа была замечательная, с огромными полями, в кружевах и цветах. Достойное место для хранения «шедевра гения» и «шедевр», уютно разлегшись на этой передвижной цветочной клумбе, удалился с Шиллерплатц в суету столицы. Но Гитлер продемонстрировал настойчивость и непреклонность в достижении своей цели, он не собирався так просто сдаваться, подчиняясь обстоятельствам. Спрыгнув с фонаря, понесся следом за экипажем и судя по набранной им скорости, непременно должен был его нагнать километров через пять.

Последовав за будущим фюрером, парни убедились, что это удалось сделать ему гораздо раньше. Гитлеру повезло, экипаж остановился и дама решила покинуть его, протянув узкое запястье спутнику. В тот самый момент, когда туфелька барышни ступила на грешную землю, Адольф и подлетел к ней, запыхавшийся. Он, не церемонясь, цапнул свою собственность, сбивая попутно шляпку и принялся бережно укладывать «шедевр» на свое законное место. Совершенно не обращая внимания на что-то выговаривающего ему кавалера, который вступился за честь дамы.

Михаил с Сергеем подъехали ближе и слышали его последнюю, возмущенную реплику:

— Вы, сударь, хам и невежда,— Гитлер повернул к нему наглое лицо и процедил через губу:

– Сам хам, а это мо-е-е-е-е!– потряс он папкой перед носом кавалера, который выглядел настоящим джентльменом рядом с щуплым и низкорослым Адольфом.

В ответ джентльмен, парень плечистый и очевидно горячий, уже не сдержавшись, влепил Адольфу оплеуху, впрочем более оскорбительную, чем преследующую цель нанести физический вред.

– Вот так я привык обращаться с хамами,– пояснил джентльмен, хватая Адольфа за шкирку и разворачивая к себе задом. А вот пинок джентльмен отвесил вполне полноценный, выполнив его профессионально. Будущего фюрера, даже слегка подбросило и пролетев метра три, он приземлился на четвереньки, но к чести его сказать, папку из рук не выпустил. И прежде всего встав, позаботился о ней. Повертев головой, он встретился глазами с Сергеем, почти подъехавшим к нему вплотную и сунув ему свое имущество, рывкнул:

– Подержи-ка, монах. Отблагодарю парой марок,— затем, пристроив папку, повернулся к своему обидчику. Нет, фюрера не зря потом наградят двумя крестами на фронте, трусом он не был и кинулся в атаку без слюнтяйских разговоров и оскорблений. Зарычал зверем и вцепился в джентльмена, как бульдог в батон колбасы. Грыз так бедного, что даже дама завопила, заламывая сначала руки отчаянно, а потом принялась, охаживать Адольфа по спине тюлевым зонтиком: – По-мо-ги-те!!!— вопила она, пытаясь сбить Адольфа зонтом с кавалера, который, прижавшись спиной к стене дома, старался безуспешно разжать руки фюрера, сомкнутые на его шее. А тот еще и грыз ему его руки, только кровь брызгала из прокушенных жил. Двое, мимо проходящих горожан, попытались оттащить взбесившегося Адольфа, но получив от него удары ногами и пару кровавых плевков, отскочили прочь сквернослова. – По-о-о-л-и-и-и-ц-и-и-ия-а-а-а!!!— вопила дама, охаживая Гитлера остатками зонта по голове. Полиции, как назло, рядом не оказалось и следующие два добровольца кинулись умирять безумца. Адольф отцепился от джентльмена и оскалившись, как вурдалак, окровавленным ртом, начал гоняться за добровольцами, сея суматоху и панику.

Джентльмен, чудом оставшийся жив, подхваченный подругой, скрылся в парадном подъезде, остальные так же спешно ретировались и Гитлер остался один на «поле брани», победителем. Он победно озирался по сторонам и размазывал рукавом кровь врага по своему торжествующему лицу. Затем, приходя в себя, полез в карман за зеркалом, но наткнувшись на его осколки, грязно выругался и достав платок не первой свежести, принялся протирать лицо на ощупь. Взглянув в оконное стекло и убедившись, что кровь размазана равномерно, Адольф подошел вразвалочку к Сергею и выдернув из его рук папку, развернулся и зашагал прочь.

– Эй, парень, а где обещанные деньги? Пара марок?– крикнул ему в спину Сергей, удивленный наглостью и не благодарностью абсолютной Гитлера. Адольф, услышав его, остановился и медленно повернулся:

– Что-о-о-о?– спросил он, наливаясь яростью.

– Деньги, придурок, кто обещал? Гони монету,– Сергей тоже начал «заводиться», не обращая внимания на дернувшего его за рукав Михаила.

– Деньги-и-и-и? Придуро-о-о-к?– завыл Адольф совершенно по волчьему.– Кт-о-о-о-о-о?

– Конь в пальто,– машинально рывкнул ему в ответ Сергей.– Вер, мне нельзя, а тебе можно, дай пару пинков наглецу, для ума, только не зашиби придурка,– а Гитлер уже ринулся в атаку №2-а на очередного обидчика, посмеявшегося что-то от него потребовать.

Первый удар копытом Верка нанесла так ловко, что Адольф пролетев по воздуху метров пятнадцать, приземлился аккуратно на ветку липы и она приняв его и побаюкав, ласково опустила на землю, чтобы фюрер будущий мог снова броситься на врага. Второй удар был так же аккуратно выполнен. Даже и не удар, а как и в первый раз – бросок, но на этот раз Гитлера подбросило вверх и он, кувыркнувшись пару раз, приземлился на мимо проезжающий дилижанс, мягкий верх которого, принял его опять же без травм и прочих негативных последствий для организма. Гитлер, так и не выпустивший из рук свою драгоценную папку, скакал верхом на дилижансе, плюясь и грозя кулаком.

– Может, догнать желаешь и продолжить развлечение с «гением»?– поинтересовался Михаил.– Ты понимаешь, что он нас теперь на всю жизнь запомнит и будет бросаться, как только увидит? И как теперь с ним работать?

– «Протри» ему мозги. Пусть забудет этот инцидент,– предложил Сергей.

– Хрен вот, «протрешь» их ему. Я же тебе говорил, что полный мрак там у него, как в погребе. Что протирать?

– Вот сволочь. Действительно «гений», только злой. Он и без «шестерки» опасен. Странно, что его до сих пор в сумасшедший дом не упекли.

– Ты думаешь он постоянно на всех набрасывается? Нет, эта сволочь набрасывается только тогда, когда все просчитает. Просто в этот раз ситуация вышла из-под контроля, все слишком спонтанно произошло. Не успел сдержаться. В такой же ситуации, но в другой обстановке, он все же, пусть и коряво, но принес бы свои извинения джентльмену и инцидент был бы исчерпан. И оскорбление перетерпел бы. Особенно если бы увидел полицейского. Фюрер панически боялся полиции. И вообще форма повергала любую его в трепет. Поэтому и сам влез в нее. Форма – это символ власти и силы. И фюрер трепетал перед ее атрибутами. Стоило только заявиться на крик этой дамы самому зачуханному жандарму и все, Адольф бы сник. Такой вот тип.

– Вот и способ нормальный нашелся воздействия на бесноватого. Переодеваемся жандармами местными и догоняем козла. Вяжем и трясем, пока все сам не скажет.

– Мысль хорошая,– согласился Михаил, выпуская Филю следом за Адольфом.

Еще через полчаса они уже преследовали его в мундирах жандармов, которые Михаил скопировал, внимательно осмотрев первого встречного представителя этого славного племени, побеседовав с ним о погоде. Жандарм оказался целым майором и о погоде поговорил с удовольствием, сожалея о том, что она их департаменту не подчинена и поэтому порядка не

имеет. Переделались тоже не мудрствуя в первой же попавшейся лавчонке бакалейной. Зашли монахами, заморозили посетителей с продавцом и вышли уже майорами-жандармами, перепугав старушку, которая, как ей показалось мигнув, вместо монахов, получила на сетчатку глаз изображение двух служивых в форме. Старушка охнула и принялась протирать «диафрагмы», видать «линзы» запотели и потеряли резкость восприятия. Когда она их протерла, то увидела опять монахов, но не двух а целую толпу, ввалившуюся тем временем с улицы. Старушка опять охнула, перекрестилась и выскочив проворно из бакалейной лавки, сходу влетела в марширующую жандармскую роту. Этого уже бабушкины нервы вынести не смогли. Потрясенная постоянной сменой окружающих ее персонажей именно этой категорией сограждан и явно с тенденцией к увеличению в геометрической прогрессии, темная и забитая жизнью старушка взбунтовалась, завизжала и принялась дубасить жандармов зонтиком, разогнав и рассеяв роту за пять секунд. Разогнала и посемила прочь, пугливо шарахаясь от поваливших ей на встречу, то жандармов, то монахов.

Адольф спрыгнув с дилижанса на первом же перекрестке и не успокоившись, вернулся бегом назад, чтобы продолжить «разборки» с не учтывым монахом и очень огорчился, не застав его там. Наадреналиненная до предела арийская кровь, требовала активных действий и Гитлер, изрыгая проклятья на головы всем монахам, заскочил в ближайшую пивнушку, где в течение часа набил морды десятерым, получил сам несколько раз промеж глаз и успокоился только, когда вызванная хозяином полиция, заковала его в наручники. Ночь он провел в участке и на следующее утро был выпущен по причине отсутствия заявлений от пострадавших. Хозяин пивнухи удовлетворился возмещением ему ущерба из кошелька скандалиста и тот совершенно опустев после выплат компенсаций и штрафов, вынудил фюрера будущего вернуться на Шиллерплац, чтобы карандашом заработать деньги на обратный билет до Мюнхена. С Эрнстом Юлиусом Рэмом ему встретиться в эти дни так и не довелось. Разминулись, а потом военная судьба разбросала их и вовсе по разным дивизиям, чтобы снова столкнуть лбами в двадцатые годы.

Взяв у кого-то напрокат мольберт, пару скамеек и напялив на голову берет, Адольф выпи-сывал очередных клиентов на листе ватмана /фрау с девочкой лет пяти/ и жутко нервничал. Ребенок попался непоседливый и Гитлеру никак не удавалось поймать сходство. У него прямо руки чесались отшлепать вертлявое исчадие и от этого карандаш трясся, ломая грифель.

– Черт подери, – шипел себе под нос Адольф, в пятый раз его затачивая.

А расшалившаяся девчушка, смотрящая на мир наивными васильковыми глазищами, с огромным розовым бантом в кудрявых, льняных волосах не желая сидеть смирно на жесткой скамье, болтала ногами и вертела головой вслед всем мимо проходящим. А если мимо кто-то проходил с собакой на поводке или проезжал экипаж, то девочка тыкала в ту сторону пальчиком и громко, радостно кричала: – Собацка, лосадка! – Адольф с ненавистью уставился на вертлявую клиентку и еле сдерживая себя, чтобы не нахамить, попросил счастливую мамашу:

– Фрау, вы не могли бы как-то придержать голову вашей дочери на минуту, очень трудно работать.

Мамаша принялась сюсюкать, уговаривая дочь замереть, чтобы «дядя художник видел глазки».

Девочка взглянула на «дядю художника» и встретившись с ним взглядом, так испугалась, что тут же закатила истерику, пнув нечаянно арендованный мольберт. Попала бестия вертлявая, прямо по подпорке и мольберт загремел по булыжникам Шиллерплац.

– Что с тобой, сладкая? – пыталась успокоить дочь мамаша, но та успокаиваться не желала, захлебываясь в реве.

– Извините, мы к вам в другой раз подойдем, – попросила прощения фрау и увела свою капризную дочь, оставив Адольфа копошащегося у треноги без оплаты. Целый час был потрачен впустую и Адольф, раздосадованный неудачей и отсутствием к нему очереди желающих

«зафиксироваться» на ватмане, принялся стирать с нарисованной фрау одежду. Хмыкнув и оставив только лицо, он выполнил рисунок в стиле «Ню» и вместо девочки пририсовал рядом с фрау шимпанзе. Увлечся творчеством свободным так, что когда перед ним появились два жандарма-майора, не сразу и внимание на них обратил.

– Порнографию распространяем, молодой человек?– услышал он мужской голос с командирскими интонациями и оторвавшись от мольберта, уставился рыбьими глазами на жандармов.

– Статья уголовная имеется в Австрии по этому поводу,– жандарм явно не шутил.– Вы, молодой человек, не серб ли часом? Что-то мне ваши глаза не нравятся,– глаза у Гитлера слегка подбитые оба, возмущенно блеснули, но он благоразумно сдержался и ответил довольно учтиво:

– Господин майор, я немец. И сербов презираю. Мерзкий народ, так и норовят из револьверов в какого-нибудь вельможу выстрелить. Убийство престолонаследника нашего Фердинанда с супругой в Сараево им прощать нельзя. Такой народ нужно поголовно истребить, что бы другим не повадно было.

– А документы у вас имеются, господин художник?– перебил его жандарм, по-прежнему раздраженным голосом.– Предъявите паспорт и лицензию на право рисовать здесь, на Шиллерплац.

– Какую лицензию?– Адольф так удивился, услышав о необходимости покупать теперь право на рисование, что даже заплывшие глаза у него раскрылись до нормального размера.

– Обыкновенную, казенную и квитанцию, что все оплачено вперед на месяц,– жандарм требовательно протянул руку в белоснежной перчатке.

– На какой месяц? Я тут проездом на один день из Мюнхена. Поступаю в Академию, привез работы,– Адольф полез в карман и вытащил паспорт.

– На один день? Ничего не знаю. Один день или год, у вас ваши намерения на лбу не написаны. Порядок есть порядок, господин...– Михаил взглянул в документ...– Рабинович Адам. Что ж ты лжешь, морда жидовская, что немец? А вот тут ясно написано, что еврей,– Михаил ткнул обомлевшему Адольфу паспорт в заплывшие глазки и тот отшатнулся, пытаясь навести резкость.

«В участке выдали чужой паспорт по ошибке»,– сообразил он и завопил, оправдываясь:

– Это не мой паспорт! В полиции всучили!

– Заткни хайло, морда жидовская,– оборвал его грубо майор-жандарм.– Думаешь, что говоришь. Ты утверждаешь, что полиция выдает паспорта немцам еврейские против их воли? Знаешь, что за такое клеветническое утверждение может быть? Тюрьма. Каторжные работы. Лет пять.

– Я не утверждаю что насильно. Ошибочно выдали. Я вчера был арестован по ошибке и там в участке наверное перепутали,– Гитлера трясло.

– Складно поешь. Ошибочно арестовали, ошибочно паспорт еврейский выдали и не мудрено, фотография-то твоя. Взгляни ка,– протянул майор паспорт своему сослуживцу и тот мрачно окинув Адольфа пристальным взглядом, уставился в него, шелестя страницами.

– Вылитый террорист Принцип Гаврила. Уж не братец ли родной его?– высказал второй майор страшную версию.– Пох-о-о-о-ж. Мерзавец. Ты, негодяй, пойдешь с нами. Вздумаешь бежать, пристрелю, как собаку. Шаг вправо, шаг влево – попытка к бегству, прыжок на месте – провокация, огонь на поражение открываю сразу,– жандарм достал из кобуры револьвер и крутнул барабан, проверяя наличие патронов. Патроны в наличии были и жандарм удовлетворенно осклабился.– Уж я-то не промахнусь, господин бомбист, не надейтесь. Забирайте свои скамейки и шагом марш.

Глава 4

Адольф собрал мольберт, сунул его под мышку и второй рукой зацепив скамейки, двинулся в указанном жандармами направлении. Увидев, что его привели в полицейский участок, он обрадовался, надеясь на то, что недоразумение с паспортом быстро прояснится и его выпустят, принесся извинения.

Полицейский участок жил своими разноплановыми заботами и на вошедшего арестованного с жандармами никто внимания не обратил. За стойкой сидел дежурный инспектор и накручивал ручку телефона, надсаживаясь в крике.

– Пятьсот пятнадцатый, барышня. Пятьсот пятнадцатый. Не четыреста, а пятьсот. Чее-е-е-ерт.

Дежурный шваркнул трубкой по аппарату и тот затрезвонил в ответ с какой-то отчаянной свирепостью.

– Але-е. Але говорю. Кто? Внятнее, внятнее и громче говорите. Не слышу. Кто-о?– дежурный опять шваркнул трубку на рычаг.

– Здравия желаю, господин инспектор,– Сергей отдал честь и представился.– Майор жандармерии Фридрих Энгельс, честь имею,– инспектор представился в ответ, невнятно назвавшись и поинтересовался по какой надобности пожаловали в их учреждение господ жандармы. При этом губы растянул в насквозь фальшивой улыбке и имя свое назвал нечленораздельно, явно демонстрируя антипатию личную к корпусу жандармов.

– Вот что, господин инспектор. Вы лично можете любить или не любить жандармов это ваше право, но служба есть служба, а сейчас мы здесь именно на ней и находимся, так что, голубчик, спрячьте свои обиды и примите участие посильное. Государственное дело,– Михаил сделал строгое лицо и так же козырнув, представился.– Майор жандармерии Карл Маркс.

– Что за дело?– инспектор вяло поднес руку к голове, отдавая честь.

– Террориста поймали – еврея-серба,– Сергей тряхнул за шиворот Адольфа и мольберт загремел по полу, не удержавшись у него подмышкой.– Красавец. Прикинулся художником и порнографию прямо на Шиллерплаце распространял. Взгляните,– лист ватмана лег на стол перед инспектором и тот вытаращился на него, багровея.

– Это моя сестра-а-а-а!!!– заорал он так возмущенно, что весь участок на мгновение замер, обратившись в слух. Коллеги инспектора уставились в их сторону, повернув головы и помещение метров в сто квадратных, заполненное людьми в форме и цивильной одежде, показалось Адольфу мрачным и неудобным.– Где ты ее соблазнял, штафирка непотребная?– инспектор поспешно засучивал рукава, а Адольф затравленно озирался, понимая, что сейчас получит хорошую взбучку и тут уж никакие отговорки не спасут. Однако от трепки заслуженной его спас майор, остановивший инспектора:

– Сестру вашу он на площади по ее просьбе рисовал и соблазнить не успел. Племянница ваша раскапризничалась и портрет закончен не был. Естественно и не оплачен. Ну а этот гусь, с досады видать, платье у вашей сестрицы подтер и пофантазировал слегка с фигурой, мерзавец. Больное воображение – первый признак преступной натуры.

– Я сожрать тебя заставлю эту пакость, недоносок,– рявкнул, несколько успокаиваясь, дежурный и сев на стул, осведомился: – Надеюсь, что вы его у нас оставите, господа?

– Увы. Мы понимаем ваши оскорбленные родственные чувства, но не можем,– разочаровал его Сергей.

– Так чего же вы хотите?

– Камеру на часок, чтобы допросить арестованного, пока тепленький и три ведра воды туда же.

– Воду-то зачем?– удивился дежурный.

– Это у нас свой метод получать чистосердечные показания. Подследственный или говорит правду или пьет воду, такая вот альтернатива.

– Три ведра?

– Был прецедент, – вздохнул с сожалением Сергей. – Выпил все три и так мерзавец и не сказал правду.

– Да куда же их в него? Да он от ведра ноги протянет, – инспектор прикинул на глазок тщедушную фигурку Адольфа.

– О-о-о-о! Вы глубоко заблуждаетесь. Он худой, а в худого можно залить не три ведра, а все четыре. Это в здоровяка, с крупной комплекцией, вот как ваша и ведро не поместится, а вот в такого дохляка все пять можно залить, – Сергей потрепал ласково Адольфа по бледной щеке и тот заклацал зубами.

– Камеру, пожалуйста, – дежурный пожал плечами и подзвав к себе двух полицейских рядовых, распорядился:

– Отведите господ жандармов с арестованным в 13-ю угловую и три ведра воды им предоставьте. А как заливать собрались, господа, воду в преступника? – любопытствовал он.

– Заливать чтобы, шланг с собой имеется специальный, – Михаил продемонстрировал резиновый шланг от стиральной машины. – Функциональная вещь. Суешь в пасть и самотеком прямо в желудок. Даже глотать не нужно, очень удобно и комфортно для подследственного. Раз и ведро в желудке. Два и второе тоже там. Все по науке. Главное – обратно не позволить вытечь.

– А это как достигается? – инспектор даже рот раскрыл от любознательности. Глаза его зажглись таким любопытством, что Сергей не стал разочаровывать полицейского инспектора и продемонстрировал здоровенную пробку деревянную для бочек, диаметром сантиметров восемь.

– Не велика ли? – засомневался опять тот, окидывая скукожившуюся фигурку Адольфа.

– Экий вы пессимист. В самый раз. Стандартный размер. Ну, шевели копытами, морда жидовская, – развернул Михаил Гитлера в сторону бокового коридора, куда направились двое рядовых полицейских. Ноги Адольфа держать отказывались по причине того самого «больного воображения, присущего преступникам» и Михаил слегка взбодрил его коленом под зад.

– Шевелись, козел драный.

Адольф зашаркал ногами следом за рядовыми, испуганно втянув голову в плечи и воровато озираясь. Ему хотелось вопить от страха и нелепость всего происходящего не укладывалась в его залитых мраком мозгах, но пересохшая глотка и отнявшийся язык не позволяли ему даже пищать, так что впору было попросить промочить горло.

– Сейчас промочишь, потерпи чуток, – обнадежил его жандарм-майор будто прочитав мысли и Адольф затрясся от нехороших предчувствий.

Камера, с номером не приятным, оказалась довольно просторной, метров двадцати и при этом в ней стояло всего четыре кровати и столько же тумбочек с табуретками рядом. Имелся столик и довольно симпатичный, круглый и точно посередине камеры прикрученный к полу намертво. Михаил швырнул шланг на него и дождавшись, когда полицейские, выставив три ржавых ведра с водой удалятся, поставил рядом с ними табуретку, кивнув Адольфу на нее.

– Присаживайся, – Гитлер сел на табурет и вцепился в него руками, уставившись на ведро.

– Весь в предвкушении? Вода-то явно из дождевой бочки набрана. Самая полезная ученые говорят. Доволен останешься, Адам.

– Я н-не Ад-дам, я Ад-дольф, – Гитлер проклацал эту фразу, аккомпанируя зубами, как кастаньетами.

– А какая разница? – не понял Михаил. – Адам – Адольф? Ты, Рабинович, сам все расскажешь или начинаем воду заливать?

– Господин майор... – взвыл Адольф отчаянно, – ... Я же уже говорил, что это ошибка. Моя фамилия Гитлер.

– Ты думал мы тебе поверим и начнем тут Хайль Гитлер кричать? Нет парень, нас на мякине не проведешь. Мы ведь и запрос можем послать прямо сейчас в Мюнхен телеграфом. Где ты там зарегистрировался?

– На улице Шлейсхеймер, в магазинчике у портного Йозефа Поппа, – скороговоркой выпалил Адольф и в глазах его блеснула надежда.

– Поппа? И ты будешь по-прежнему утверждать, что не еврей? Разве немец может быть с такой фамилией? И разве немец поселится у такого подозрительного немца, с такой скверной фамилией?

– Чем же она плоха? – Гитлер не понимал, чем не угодила фамилия Йозефа жандармам.

– По-сербски – это «задница». Понимаешь, морда жидовская? Вот вы и прокололись. Не удержались бомбисты-террористы и поиздевались, фамилию немецкую выдумывая, но нас не проведе-е-е-шь. Мы таких, как ты слизняков, за версту чуем. Признавайся, мерзавец, где прячешь оружие и динамит?

– Я не террорист, клянусь могилами родителей. Пошлите запрос в Линц, вам подтвердят, что они похоронены в пригороде этого города, – Гитлер не выдержал предъявленных ему обвинений и захлюпал носом. Слезы потекли из опухших глаз и будущий фюрер, промакивал их ладонями, повторяя как в бреду: – Пошлите запрос, прошу вас, пошлите запрос, прошу. Я не выдержу три ведра, я болен. У меня почки и легкие не в порядке. И еще у меня плоскостопие и грудная жаба. Позвоночник больной и хрупкие кости. Недостаток витаминов и...

– Ты нам тут медицинскую энциклопедию решил пересказать? – перебил его Сергей. – Диктуй свои данные и родителей, – Гитлер принялся торопливо диктовать анкетные данные, заодно сообщив номер полицейского участка, где ему случайно всучили паспорт еврея Рабиновича и Сергей вышел, якобы отправлять телеграмму.

– Смотри, сукин сын. Если не подтвердится информация... Впрочем, в любом случае, даже если и подтвердится и ты действительно Адольф этот Гитлер, для нас ты клиент вне всяких сомнений. Уж больно подозрителен и порнографию, опять же, прямо среди бела дня изготавливаешь. Это вообще ни в какие ворота. Родители-то достойные пади люди, а воспитали прохвоста и мерзавца конченного. Мало тебя папаша твой драл в детстве видать.

– Мало, – не стал перечить жандарму Гитлер.

– Вот и расскажи-ка, как ты до жизни такой докатился, парень?

– Сирота я круглая, – начал жалобно Адольф. – Папаша мой отставной таможенный чиновник в 1903-м умер, когда мне было четырнадцать. Нужда, господин майор. Пенсия крохотная, а мать больна и вот на мои плечи все и легло...

– Ах, ах, ах бедный парень, – притворно посочувствовал ему Михаил. – На паперть пошел милостыню просить?

– А что делать? – версия с папертью Адольфу понравилась и он не стал ее опровергать.

– А поработать не пробовал? – подсказал ему еще одну версию, как можно прокормить семью, Михаил.

– Пробовал, но кто возьмет меня? У нас в пригородной деревне только трактир, да кузнец еще и плотник, остальные так... – Адольф махнул рукой пренебрежительно.

– Ну и пошел бы подмастерьем к кузнецу. Парень ты крепкий, жилистый. Или к плотнику.

– Не взяли. Плотник – его Курт зовут – жадный, а у кузнеца своих детей полно. Они ему и помогают. Зачем ему посторонний?

– Курт жадный, а ты очень хотел плотником стать?

– С детства мечтал, – скрипнул зубами Гитлер. – Как увижу его, так и прошу. – «Научи табуретки делать, дяденька Курт», а он, – «Пошел прочь, щенок», – Гитлер всхлипнул.

– Бедный парень, не дай Бог такое детство никому, – вздохнул сочувственно Михаил и отставил одно ведро в сторону. – Можешь считать, что одно ведро ты уже выпил.

Гитлер радостно заблестел глазами и его творческая фантазия, получившая неожиданный стимул, выплеснулась потоком фраз.

– А потом и матушка приказала долго жить. Похоронил ее на последние гроши рядом с папашей, да и подался в люди. Кем только не работал.

– Кем?

– Посуду мыл, помои выносил, дрова колот и воду носил, – начал перечислять Гитлер выполненные им работы.

– Где же это?

– У трактирщика, за две сосиски и кусок хлеба. Жадный, еврей потому что. Евреи все жадные, а этот особенно жадный, потому что трактирщик.

– А трактирщик, потому что еврей?

– Да, господин майор.

– Логично... – вернувшийся Сергей сообщил, что Мюнхен информацию подтвердил, а из полицейского участка, указанного Адольфом, доставили паспорт настоящий и обменяли его на паспорт Рабиновича, извинившись.

– Просили Адольфа к ним потом заглянуть. Он там штраф не полностью выплатил. Маху они дали, еще столько же хотят ему добавить за нецензурную брань в общественном месте.

– В каком месте? – Адольфа перекосило от мысли, что расходы увеличиваются.

– Сначала в пивной, а потом у них в участке.

– В участке я не выражался, а в пивной там по-другому никто и не разговаривает, – попытался выкрутиться Гитлер.

– Их тоже всех оштрафовали. Ну, как полегчало? Ты не расстраивайся, парень. Сумма-то не очень велика. У нас гораздо больше будет. За изготовление порнорисунков по статье №*****, параграф №***** Уложения о наказаниях Австро-Венгрии в новой редакции, тебе придется уплатить пятьдесят тысяч крон или отсидеть десять лет в тюрьме, – Михаил прошел в угол комнаты и вернулся, достав из тумбочки огромный том законов Австрийской Империи «случайно» там оказавшийся. Открыв его, он ткнул страницу в нос Адольфу. – Читай, – Гитлер зашевелил разбитыми во вчерашних драках губами.

–сят тысяч крон, – уныло констатировал правоту майора-жандарма Адольф.

– Так что в полицейском участке штраф это так – мелочь, на чай начальнику участка. Ну, а теперь рассказывай, где прячешь оружие и динамит? Мы за тобой давно следим. Ты думал, что мы случайно к тебе подошли сегодня? Нет, сукин ты сын. Вспомни-ка вчерашний день и монахов на лошадях, –

Адольф обмер, уставившись на Сергея. Теперь он его узнал, а до этого будто пелена на глазах была.

– Пожалел вчера пару марок, засранец жадный, вот теперь, пока не вывернем тебя наизнанку не отпустим.

– Я же не знал, что они это вы, а что вы они... – забормотал Адольф, поняв, что влип и что вчера напал на переодетых монахами жандармов.

– А парня чуть не придушил. Джентльменистый такой. Думаем, что он очень обрадуется, когда мы его на очную ставку вместе с его дамой вызовем. Ты ведь ему все сухожилия перегрыз. Инвалидом может остаться, а он дипломат из Англии и при довольно не простом международном положении, ты мерзавец, мог своими действиями спровоцировать войну между нашими странами. Это посол. Понимаешь, ты – куча дерьма в берете? Австро-Венгрии нужна сейчас война с Англией? Угадай с одного раза, свинья? Австро-Венгрии война не нужна и ей проще отдать тебя Англии в знак уважения. А у них – дикарей, виселица и «пеньковый галстук» таким как ты всегда найдется. То-то посол будет рад, – Адольф сидел бледный, выпучив глаза и оскалась, будто «пеньковый галстук» уже накинули ему на шею. Жалкий и несчастный он вызывал чувство отвращения и брезгливости.

Михаил разглядывал будущего фюрера, будущего III-го Рейха, и ему даже не верилось, что пройдет всего каких-то десять лет и он им станет. Заматерев в окопах Великой войны, набравшись опыта жизненного и нахватавшись человеконенавистнических идей этот мерзавец, являясь марионеткой в чужих руках, доведет мир до следующей Мировой бойни. Второй. Кровавее Первой в десять раз.

Его сестра Паула после войны заявит, что «брат не знал, что твориться в концлагерях Германии и если бы знал, то не допустил бы этих убийств». Интеллигентный человек, художник не без способностей, любящий сын своих родителей, горячий патриот своей Родины, вегетарианец и пуританин, хлюпающий сейчас в камере тюремной утиным носом, станет на все последующие века символом Людоедства. Одним росчерком пера этот, пускающий сейчас слюни и сопли хлюпик, отправит на казнь миллионы людей и сотни миллионов обречет на страдания.

А Гитлер зарыдал, закрыв лицо руками и плечи его затряслись под уже не таким щегольским «лапсердаком», каким он был еще вчера на ступеньках Академии художеств. Пообтрепался слегка за сутки. Прорехи появились и пятна. Уж больно активной жизнью жил его хозяин все это время, старательно ликвидируя целостность одежды.

– Хватит сопли пускать, вытри морду и слушай, придурок, что тебе умные люди скажут, если не хочешь болтаться в петле, – прикрикнул на него Михаил и Адольф лихорадочно закивав, принялся приводить себя в порядок, все тем же мятым носовым платком.

– Я слушаю, господин майор, и сделаю все что скажете, – Бормотал он при этом. – Не надо на виселицу. Я хочу жить.

– Тогда припомни, что это за шпионский прибор у тебя видели наши агенты. Такой... металлический, вот такого размера. – Михаил начертил карандашом размеры СТН-а и сунул клочок бумаги под нос Адольфу. – Это радио? С кем ты по нему связывался? – Гитлер наморщил лоб, рассматривая чертеж.

– Серого цвета, – добавил ему информации Михаил.

– Нн-е-е-т. Это не радио – это медальон, который мне от папаши достался. Совсем дешевый. Когда-то его подарили отцу и он был с цепью, а потом цепь потерялась, а эмаль отвалилась и он ни на что не стал годен.

– Зачем же ты его таскаешь тогда с собой?

– Это мой талисман. Отец считал, что медальон принес ему удачную карьеру, когда он был так же молод, как я теперь и поступил на службу к Кайзеру.

– И где он теперь этот «талисман»?

– В Мюнхене, на квартире у Йозефа.

– Задницы?

– Да, – не стал перечить Гитлер и вступаться за портного. – Задницы.

– Проверим. Фридрих, пошли туда агентов. Пусть согласуют свои действия с полицией Мюнхена и произведут обыск у этой Задницы в квартире. Представляю сколько интересных вещей они там обнаружат. Наверняка оружие и бомбы.

– Нет, господа. Зря потеряют время. Йозеф очень лоялен к властям, у него очень большая семья и он... он глуп, как все лавочники, – попробовал все же своеобразно заступиться за портного Гитлер. Тот все же приютил его когда-то почти бескорыстно и предоставив крышу над головой, еще и работой обеспечил.

– А ты умен, как все Гитлеры? Ах, как умно вел вчера себя всю вторую половину дня. Водички не желаешь?

Адольф, у которого першило в пересохшей от волнения глотке и губы потрескались, тем не менее отрицательно затряс головой в нелепом берете.

– Как хочешь. Я ведь по доброте душевной предложил. Помыться бы не мешало. На клошара французского похож. Пей и умойся. Не будем заливать насильно. Фридрих, убери шланг и затычку, парень дает правдивые показания без водных процедур, – Гитлер, поверив в

искренность сказанных Михаилом слов, благодарно кивнул и встав на колени перед ведром, принялся утолять жажду, сунув лицо в ведро. Застоявшаяся в бочке дождевая вода показалась ему родниковой. Никогда в жизни до того и никогда после ему не приходилось и не придется пить такую вкусную и полезную для организма воду. Вылебав полведра, Адольф принялся споласкиваться во втором ведре и через пять минут с мокрым лицом стал выглядеть гораздо приличнее, смыв вчерашнюю кровь и сегодняшние сопли и слезы.

– Продать тебе, недоумку, нечего, кроме умения елозить карандашом по бумаге, чтобы вернуться в Мюнхен? Так?

– Так, господин майор, – Гитлер протирает мокрое лицо носовым платком и ждал окончательного решения, которое примут жандармы. С надеждой поглядывая на них.

– Ну что же, парень. С этого дня тебе придется поработать на жандармерию Австро-Венгрии. На Родину свою. Ты ведь патриот или нет? – Гитлер кивнул, соглашаясь. – Подпишешь обязательство о сотрудничестве и свободен. Секретным сотрудником будешь теперь нашим. Сексотом. Согласен?

– Согласен, господин майор. Я всегда мечтал стать секретным агентом, – закивал Адольф.

Михаил сунул ему в руку лист с текстом машинописным и ручку: – Подписывай, – Гитлер расписался торопливо, не читая, что там ему предлагается и уставился вопросительно на жандармов.

– Иди и елочь карандашом, так уж и быть без лицензии один день и чтобы духу твоего не было в Вене уже сегодня. Когда понадобится, мы сами тебя найдем. Пшел вон, – услышав, что его отпускают на свободу, Гитлер не поверил собственным ушам и затряс головой, приводя в порядок мысли и слух.

– Что трясешь башкой, как осел в стойле? Проваливай, пока мы не передумали, обмылок, – рывкнул на него Сергей и Адольф поняв, что не ослышался, вскочил так резво, что опрокинул табурет и кинулся его поднимать, зацепившись за полное ведро с водой. Опрокинув и его, он ушиб при этом ногу, скривившись от боли, но перетерпел и бросился поднимать теперь уже и ведро, покотившееся по полу. Поймал, поставил уже пустое, и вернулся к опрокинутой табуретке, пиная попутно второе ведро, полупустое.

– Ты что тут в футбол ведрами решил на прощанье поиграть, свинья? Пошел вон отсюда, футболист, – остановил его Михаил.

– До свидания, господа. Спасибо, – проблеял Адольф и кинулся к дверям камеры. Схватившись за дверную ручку он принялся рвать ее на себя, пытаясь открыть путь к свободе, такой желанной. Дверь открываться не пожелала, выдержав бешеный натиск, рвущегося на волю Гитлера и он повернувшись к жандармам, развел беспомощно руки в стороны:

– Заперто.

– Идиот. В обратную сторону дверь открывается, – Гитлер сконфуженно перекосил потрепанное лицо и толкнув дверь, прошептал: – Извините, господа, я волнуюсь, – шагнул в коридор и помчался прыжками прочь. А вот это он сделал зря. По полицейским участкам Австрии нельзя так резко перемещаться, если не хочешь, чтобы у всех присутствующих служивых сработал условный рефлекс – «догнать и обезвредить». Впрочем, бегать не рекомендуется с такой прытью в любом полицейском участке мира. Везде срабатывает тот же рефлекс у служивых.

– Мудак, сейчас его на выходе перехватят, накидают по мордам и дежурный заставит сожрать рисунок скабресный, пока мы дойдем, – предсказал ближайшее будущее Гитлера Сергей.

– Ему это только на пользу пойдет, не завтракал еще сегодня наверняка, – согласился с ним Михаил.

Глава 5

Сожрать свой рисунок Адольф не успел. Жевал не энергично, имитируя процесс и радостно заблестел рыбьими глазами, увидев жандармов.

– Господа, подтвердите, что я не убегал, а спешил. Мне не верят. Вы ведь меня отпустили. Подтвердите, господа, – воззвал он к ним, вытягивая шею.

– Да. Пусть проваливает, – кивнул Михаил и двое дюжих полиция, с разочарованными выражениями на одинаково квадратных лицах, прекратили выкручивать руки Гитлеру, а третий – дежурный, отшвырнул недоеденный Адольфом клочок бумаги. Будущий фюрер, схватил мольберт, скамьи и выскочил из участка полицейского так быстро, что никто не успел сказать слова.

– Ловок шельма, – удивился его проворству дежурный инспектор. – Неужто три ведра выпил?

– Полведра хватило. Все выложил и подписал обязательство сотрудничать с нами. Теперь это наш агент.

– Какой хороший метод, – пробормотал инспектор. – А главное – дешевый. Жаль шланга у нас такого нет. Затычку-то без проблем, а со шлангом... – инспектор озадаченно чесал в затылке.

– Извините, но свой реквизит презентовать не можем. Самим позарез нужен. Террористов развелось, как собак нерезаных. Эта «Млада Босния» всех на уши поставила. Что за народ эти сербы? Вечно они всем недовольны. Автономию им предоставили, а они негодяи наследника престола среди бела дня уколошили. Читал я ихние прокламации. Полная ахинея. Требуют, чтобы Сербия стала самостоятельным государством, со своим правительством, гербом, гимном, флагом и чтобы язык государственный был сербский. Дикари. Австрийская армия и немецкий язык их видишь ли не устраивают, – Сергей так разорался на весь участок, размахивая шлангом, что жизнь в нем «разноплановая» замерла и народ замер, надеясь услышать от жандарма что-нибудь пикантное или щекочущее нервы. И тот не разочаровал слушателей, заорав еще громче.

– В правительстве предатель на предателе, 28-го июля приказано обстрел начать Белграда из тяжелых орудий и за две недели до этого, вся Вена об этом уже знает. И что налоги опять на экспорт поднимут, и что из-за этого цены скакнут до небес на продукты и товары первой необходимости. На рынок заходить страшно. А что завтра мобилизацию объявят и всех резервистов загребут и забреют, тоже тайна «полишинеля». Разве так войну начинают с враждебным государством? Нормальные правительства, которые без предателей, заранее мобилизацию проводят. За год до войны, а чтобы солдатики дурью целый год не маялись, на общественных работах их используют. Как в России, например. У них казачество всегда готово выступить, а пока войны нет, пашет и сеет. Там, правда, тоже к нашей радости предатели в правительстве, поэтому мы знаем, что казаки уже вспахали, отсыпались и двигаются в нашу сторону. Вот какой идиот начинает воевать в середине лета? Весной нужно начинать, во время посевной. Дороги просохли и вперед. Правильно я говорю, господин инспектор? – инспектор, стоящий с открытым ртом, кивнул, соглашаясь, прикидывая, где бы прикупить впрок продуктов и сколько денег у него есть для этого. У остальных присутствующих так же эта мысль мелькала в извилинах и когда два жандармских майора вышли из участка, то следом за ними рванула и вся толпа, бросив все самые неотложные дела. Дела эти только называются так, пока не появляются более неотложные. И, похоже, что одно такое – весьма не отложное, появилось у всех сразу. Дежурный, который покинуть свой пост не мог, крутил в совершенно опустевшем участке ручку телефона и орал, синяя от натуги.

– Ильза, бросай все дела, беги покупать продукты, пока цены не подскочили до небес. Цены, говорю, подскочат на продукты до небес. Война с Сербией и Россией через две недели. Война говорю. ВОЙНА!– Дежурный так орал, что Ильза, наверняка услышала его и без телефона. Ну а уж телефонистки тем более. В результате, через пять минут Вена осталась без телефонной связи, а еще через пару часов цены действительно взлетели до небес.

Оказав всем жителям Вены услугу совершенно бескорыстно, Сергей ехал на вороной масти Верке – «Трояне» и с удовольствием наблюдал, как от полицейского участка, как от эпицентра, расходятся волны информации, заставляя горожан ускорять шаги и даже бежать. «Весьма неотложное дело» распространялось со скоростью урагана, повергая в шок лавочников, дремавших с утра в своих лавках и вдруг получивших перед прилавками толпы покупателей.

На Шиллерплац эта волна дала сбой, обогнув по периметру с двух сторон и понеслась дальше, набирая силу. А по площади дефилировали барышни с зонтами и кавалеры с тросточками. Художники расселись там и сям, предлагая свои услуги и цветочницы предлагали букетики цветов, окликая мимо проходящих кавалеров: – Купите барышне цветы, господин. Одна крона всего. Совершенно свежие.

Михаил окинул площадь взглядом, разыскивая берет Адольфа и удивился, когда обнаружил его, окруженного толпой желающих заказать портрет. Буквально очередь выстроилась. Конкуренты с завистью косились в его сторону, но нагадить сейчас не могли ни чем. Всего их было с десятков и все они зазывали желающих, но горожане почему-то предпочитали занять очередь к Адольфу. А тот рисовал со скоростью робота, собирая плату и сунув очередному клиенту рисунок, принимался за следующий.

– Что за чудеса? Смотри,– Михаил мотнул головой в сторону «елозящего по бумаге» Гитлера.

– Действительно чудеса. Ну-ка, Филя, слетай, взгляни в чем там дело,– Сергей проводил взглядом «Трояна», который облетев Адольфа и очередь к нему, вернулся назад и доложил:

– Этот прохвост вывесил плакат.– «Помогите художнику – жертве полицейского произвола!»

– «Жертва произвола», значит,– усмехнулся Сергей.– А вон, кстати, и те, чей он «жертва». Сейчас они объяснят ему, как он был не прав эдакое вывешивая,– но Сергей недооценил будущего фюрера и его организаторские способности. Четверо мальчишек, нанятые им, бдительно прикрывали нанимателя со всех сторон. И вовремя предупреждали о приближении блюстителей порядка. Плакатик с наглым текстом, тут же убирался и Адольф улыбаясь, приподнимал берет, приветствуя блюстителей и веселя публику. Полицейский патруль удалялся и крамольный плакат возвращался на свое место, веселя публику еще больше.

– Точно прохвост. На билет до Мюнхена наверняка уже «наелозил», вон как народ сочувствует «жертве произвола». Может и нам у него на память рисунки заказать»

– Тебе же "противно в руки брать и вроде как его глазами на мир смотреть будешь»?

– Интересно взглянуть на себя глазами Адольфа,– загорелся Сергей.– Пошли очередь занимать. Хотя нас он, может быть, по старой памяти без очереди примет. Как думаешь?

– А народ? Неудобно, там вон и дамы стоят. На фига тебе это нужно? Мне его рожа заплывшая уже до смерти надоела.

– Филя, рожу Адольфа зафиксировал?– Сергей постучал легонько пальцем по рукаву мундира.

– Так точно. И вчера и сегодня,– чирикнул «Троян», не вылезая.

– Слышал? Будешь дома кинохронику смотреть. Адольф скачущий верхом на дилижансе, Адольф в наручниках и Адольф в берете, и только нас там нет. Филя, марш вон на тот памятник мужику и снимешь «киноопупею» про нас и фюрера.

– Это Шиллеру монумент благодарные потомки возвели. Всей Веной собирали средства. Деревня.

– Знаю, что из деревни. Хороший памятник, удобный. Филя, вперед,– Филя выпорхнул и через несколько секунд уже занял удобную позицию.

Подъехав к «жертве произвола» и спешившись, «жандармы» поймали его с поличным. Зевнул мальчишка, не успев предупредить и Сергей громко прочел надпись, висящую на мольберте»

– «Помогите художнику – жертве полицейского произвола». Непременно поможем,– пообещал он заскучавшему сразу Адольфу.– Всех пересажаем. Ишь моду взяли невинных художников обижать. Кто последний, господа?

Господа засуетились, будто им предложили вывернуть для досмотра карманы и сумочки.

– Мы вас вне очереди пропустим, господа жандармы,– решился один из желающих помочь «жертве».

Господин этот в котелке, высказал общее чаяние, поскорее избавиться от подозрительно-учтивых жандармов, да еще конных.– Вы ведь на службе, господа, а нам спешить некуда.

– Спасибо, господа, за понимание. Служба наша и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна. Давай, «жертва», вместе с лошадьми, да постарательнее,– Сергей взял Верку под уздцы и вытянувшись по стойке смирно, сделал «морду кирпичом». Верка покосилась на него, потом на Михаила, вставшего рядом с Леркой и тоже закаменевшего, вздохнула и послушно уставилась тупо, не мигая на Адольфа. Взгляд лошадиный Адольфу не нравился и он нервничал, делая первые штрихи. Начав выписывать именно сначала эту мерзкую кобылу. Однако руки привычно «елозили», а заплывшие глаза выискивали нужные рельефы. На все про все ушло пять минут.

– Готово, господа,– Гитлер сунул Сергею лист ватмана.

– Сколько с нас?– Сергей рассматривал рисунок, а через его плечо заглядывала Верка и возмущенно фыркала ему в ухо.

– Ну что вы, господа, – это презент,– Гитлер расплылся в угодливой улыбке, но публике все же подмигнуть при этом успел. Вот, мол, я каков.

– Сколько берет «жертва» за рисунок?– спросил Сергей у ближайшего, «сочувствующего».

– Пять крон, господин жандарм,– поспешно ответил молодой парнишка, видимо из «оцепления» прибежавший.

– Получи, жертва аборта,– Сергей сунул в руку Адольфа деньги и вскочив в седло, приложил руку к козырьку.– Смотрите, не перегрейтесь на солнышке, молодой человек. Вам, с вашим букетом хворей, следует больше пить жидкости. Вода дождевая, говорят, очень полезна. Честь имею.

Отъехав метров на пятьдесят Сергей сунул рисунок Михаилу:

– Полюбуйся, чего изобразил.

Михаил взял рисунок и расхохотался.

– Ну и зверюга. С такой рожей только в СС служить. Повесь дома на стенку. А Верка-то, как получилась здорово, смотри, Вер,– Михаил сунул рисунок под нос «Трояну». И Верка, оглянувшись по сторонам, прошипела:

– Да видела уже. Совсем не похоже получилось. Глазомер у него плохой. Соразмерности нет. И левый глаз у него косит слегка.

– Тебе бы по сенсорам пару раз врезать, как ему вчера, так они у тебя вообще бы в разные стороны разъехались,– заступился Михаил за Адольфа.

– Да у него с рождения легкий астигматизм левого глаза. Мама Клара наверное уронила головкой вниз,– прошипела Верка.– А, сенсоры у меня прямой удар силой пятьсот кило выдер-

живают, и если функционировать прекращают, то я перехожу на резервные, а основные утилизируются и впоследствии подлежат замене.

– Вот новости! И сколько у тебя резервных?

– Пять,– прошипела Верка.

– Ну да. Зачем спрашивал? Мог бы и сам сообразить. А вот я совсем не похож. Морда, как у гусака, вытянутая. Точно астигматизм у фюрера.

– Да ты лучше всех получился у него, хоть немного похож, если приглядеться. Больше всех Лерке не повезло один глаз нарисовал больше другого раза в два. Смотри, Лер,– Сергей взял рисунок у Михаила и сунул Лерке на обозрение. Лерка рисунок внимательно изучила и заявила, тоже шепотом:

– Правильно все. Я так и смотрела на него. Один глаз прищурила, а второй вытаращила.

– Зачем? Что за кривляния?– удивился Михаил.

– Ну так, нормальную себя, я всегда могу в файлах Веркиных увидеть, а это вроде шаржа пусть будет,– Лерка заливисто заржала, перепугав насмерть топчущегося у мольберта без работы коллегу Адольфа. Художник, в непременном берете, от неожиданности отскочил в сторону и присел, закрыв голову руками. Пришлось извиняться перед ним и чтобы утешить, снова минут десять попозировать.

Художник – мужчина уже в возрасте, с печальными глазами и впалыми щеками, принялся за работу, извинения приняв и выполнив карандашный рисунок, с поклоном протянул его жандармам.

– Вот такие мы его глазами. Каждый художник видит мир по-своему. У Адольфа мир жесток и люди в нем звери. А вот у этого мастера мир печален и люди в нем – кандидаты в покойники. Плакать хочется, глядя на этих двух унылых жандармов и чахоточных лошадей,– Сергей расчувствовался и сунул художнику пачку кредитных казначейских, как на них пишут, билетов.

– Купи, парень, себе, продуктов. Цены нынче поднимутся необычайно, поэтому трать все. Завтра с ними можно будет только в сортир сходить.

– Да что вы говорите?– закручинился художник.

– Война через пару недель с Сербией начнется и с Россией естественно. Так что если возраст призывной, вали парень в Швейцарию. Всеобщую мобилизацию вот-вот объявят, а у тебя талант явно, как фамилия?

– Ланда Франц, господин майор,– представился художник бульварный.

– Где-то я уже слышал эту фамилию,– наморщил лоб Сергей.– Хуберт Ланда не родственник ли ваш будет?

– Брат,– подтвердил родство Франц.– Он у нас профессор.

– Что же вы, брат профессора и как студент на портретах бульварных перебиваетесь?

– Семья большая, господин майор. И вообще я люблю быть на людях. А тут мое любимое место. Пока нет желающих, пишу свое,– улыбнулся печально Франц.

– Взглянуть позволите?

– Сделайте одолжение,– Франц развернул мольберт с акварельным рисунком.– Только начал...

Михаил, Сергей и два «Трояна» принялись рассматривать работу, на которой уже вполне можно было узнать памятник Шиллеру, размытый потоками дождя и спешащих людей, явно спасающихся от ливня.

– Фантазия вот такая, господа. Вспомнилось отчего-то. Мазня конечно...

– Ничего себе мазня. А что это у вас настроение похоронное? Сами-то вы, судя по мимике лица, человек жизнерадостный, а эти морщинки совсем свежие?– Михаил, пользуясь служебным положением, «учинил допрос» художнику.

– Сынок три дня назад умер. Похоронили, вот и печаль, господин майор. Младшенький. У меня их семеро было. Теперь шестеро осталось. Макс.

– Примите наши соболезнования, Франц, и извините за жандармскую бесцеремонность. Вам тем более нужно увозить семью. Война грядет страшная, голодная. Уезжайте.

– Да на какие средства, господа? Мы и здесь-то, на Родине, живем трудно, а кому мы беженцы нужны будем в чужой стране? Даже если и выберемся. Сейчас многие побегут и все будет в три дорого.

– Побегут недели через две, а пока про войну и что она будет долгой мало кто знает. «Ура!» – будут кричать первый месяц, в патриотическом порыве. Так что цены не очень сильно подскочат, а в Швейцарии практически не изменятся. Так что Швейцарский франк сейчас самая устойчивая валюта в мире и в ближайшие сто лет тоже.

– Радостно за швейцарцев, – улыбнулся печально Франц Ланда.

– Мы можем купить у вас эту акварель? – поинтересовался Михаил.

– Можете, но она не закончена, господа.

– В ее незаконченности есть некая изысканность и гениальность. Она заставляет думать. Картинам, я заметил, иногда вредит законченность. Они становятся похожи на хорошо отполированные гробы. Красиво и... тягостно на них смотреть. А это произведение мне нравится. Поставьте автограф, господин Ланда. Я возьму ее такой, какая она есть, – Михаил протянул художнику пачку кредиток. – Это швейцарские франки. Здесь пятьдесят тысяч. Уверяю вас, что я не в убытке. Эта «мазня», как вы выразились, стоит гораздо дороже и через лет пятьдесят, «уйдет» на аукционе в «Сотби» за миллион.

Франц растерянно взял в руки пачку денег и спросил тихо: – Вы кто?

– Сейчас жандармы, увы. Выезжайте немедленно с семьей. Подумайте о детях, Франц. По прибытии в Швейцарию, обратитесь в любое отделение банка Национального, в любом городе, вот вам номер счета, – Михаил задумался на несколько секунд и вынув из кармана мундира белый, пустой прямоугольник конверта, написал карандашом номер счета.

– Это пенсионный счет. Вам будет выплачиваться некоторая сумма, вполне достаточная для семьи из восьми человек, от Всемирного фонда поддержки деятелей искусства. Не помню как он там называется полностью. Узнаете на месте. Честь имею, – Михаил вскочил в седло. – Счастливого добраться до Швейцарии. И поспешите, пока еще мир в Европе.

Жандармы уехали, оставив Франца стоящим с деньгами в руках. Он так растерялся и разволновался, что в ответ не смог выговорить ни слова. Ком подступил к горлу и слезы выступили на глазах. Спрятав деньги в карман, он прошептал едва слышно: – Спасибо, добрые люди, – и воробей, сидящий на его мольберте, взявшийся неизвестно откуда, встрепенулся, зачирикав так задорно, что Франц не выдержал и расхохотался весело. А птаха, совершенно не испугавшись его хохота, перескочила вдруг ему на плечо и скосив бусинки глаз, зачирикала снова, приводя Франца в изумление и детский восторг. Художник боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть воробышка и стоял, почти не дыша. Воробей клюнул его легонько в ушную раковину и сорвавшись с плеча, исчез в июльском синем небе.

– Господи, – прошептал Франц, – если это не чудо, тогда что чудо?

Глава 6

А жандармы в это время уже были в веке 19-ом и делились впечатлениями о командировке с домашними. Как ни странно, но рисунок Адольфа понравился Аннушке.

– Ты здесь такой важный получился. Совсем на себя не похожий, потому что вот эта шляпа на голове чудная. Кто рисовал, говоришь?

– Людоед, – буркнул Сергей.

– Ой!!! – Аннушка выронила лист ватмана и прижала кулачки к щекам. – Это как же?

– А вот так. Когда рисовал нас, еще сам он про это не знал, мерзавец.

– Дак, что же вы с ним сделали?

– Заплатили сколько положено, да и пошли своей дорогой.

– И он на вас не напал? – Аннушка кинулась к Сергею и обняв, погладила по голове.

– Я же говорю, что он еще сам про то, что станет людоедом не знал. Так что не напал. На Верку напал. Хочешь фильм посмотреть?

– С людоедом?

– Да. Когда он на Верку накинулся, она его слегка копытом лягнула пару раз.

– А ты где был в это время? – Аннушка взглянула на мужа искоса.

– На Верке сидел.

– Так это он, значит, на тебя набросился, – догадалась Аннушка.

– На меня, но Михаил запретил его трогать, убедил, что если что-то с этим подонком случится, то как бы хуже не стало. «Этого», – говорит, – «Мы уже знаем и на что способен и как поступал, а кто же его знает, кто вместо него придет», – Так что Верка его пару раз пнула, он и улетел на... В общем, легонько она его зацепила и совсем не больно. Жив остался мерзавец.

– Сколько же он людей съел? – спросила Аннушка.

– Миллионов пятьдесят, – вздохнул Сергей. – Гитлер это.

– Ах, вот ты о ком, – поняла наконец-то Аннушка. – А мог бы жизнь прожить и картинки писать.

– Мог бы, но не захотел. Полез в политику, когда нужно было выбирать, то людоед победил, в душе, художника. Значит, слабенький был художник. Он, правда, всю жизнь «елозил» чем-нибудь по бумаге и холсту. Рисование стало увлечением. Людоед отдыхал от основных занятий, занимаясь второстепенным. Нам еще с ним, очевидно, встретиться придется. СТН-то у него пока.

– О, Господи. Беда-то какая, – испугалась Аннушка. – Он ведь, Гитлер этот, с этим аппаратиком и вовсе лиходея страшный.

– А Михаил говорит, – «Не убий». Может не слушать его и прибить все же, как бешеную собаку? Как ты думаешь?

– Я думаю, что прав Михайло-то. На все воля Божья и не нам решать кому жить, а кому нет. Заповедь сия на всех распространена и на людоедов, Сергунь, тоже. Коль Господь попустил ему над народом германским править, значит, другого не нашел им, по грехам народа этого. А германцев на Россию повел этот людоедище, тоже не просто по дурости своей, а опять же по грехам нашим наказать. Бич он в руках Божьих.

– Бич? Да уж!

Москва 1808-го года жила слухами о происходящих в Европе катаклизмах и сплетнями о придворной жизни в Санкт-Петербурге. Россия, подписавшая унижительный мир с Наполеоновской Францией, по команде из Парижа, влезла в войну со Швецией и вяло вела ее, будто хотела показать всему миру, свою немощь. Однако шведы, судя по результатам «товарищеской встречи», воевать и вовсе не желали и война закончилась в следующем году подписанием мирного договора, по которому России отходила Финляндия. Позор Аустерлица висел над Рос-

сией, как дамоклов меч. Бонапарт же, разогнав очередную /третью/ коалицию союзников, прибрал к рукам всю Европу и рассаживал на троны своих родственников. Братьев, племянников и пасынков.

Михайло Илларионович Кутузов, командовавший союзными войсками под городком Славков-у-Брна и имевший под рукой 200-тысяч человек, чуть не попав в плен, преследующей его 75-ти тысячной армией Бонапарта, был в опале и разводил свиней в одной из своих усадеб, названных им Райгородок. С сельским хозяйством Михайле Илларионовичу не везло. В течение двух лет Райгородок дважды выгорал дотла. Загадка этих пожаров кроется скорее всего в том, что это местечко под Вильно, насчитывающее не более 3-х тысяч душ, имело три десятка трактиров.

Торговый Дом «Руковишников и К», не афишируя свое участие, проводил широкое финансирование ЦППШ -/Церковно-приходских школ/. Федор Леонидович, загоровшийся всеобщим начальным образованием, взвалил на свои плечи этот труд и мотался по городам и весям России с мешками ассигнаций, заглядывая в Москву на недельку в полгода раз. Приходские священники, получившие неожиданную субсидию от частного лица, в большинстве своем брались за дело с энтузиазмом и получив необходимые средства на год вперед, в дальнейшем сами заявлялись в столицу, где их ждали кассиры Торгового Дома. Кроме финансирования Торговый Дом обеспечивал патронируемые им народные школы всем необходимым для обучения детишек. Тетради, чернила и прочая мелочь выдавалась им безвозмездно в достаточных количествах. Начали печатать первые собственные учебники, сразу же нарвавшись на систему цензуры. Министерство Просвещения потребовало согласовать с ними содержание и год не могло утвердить, засунув в «долгий ящик». И пока чиновники министерства, озабоченные лояльностью содержания учебников, изыскивали время на их просмотр, Торговый Дом печатал уже десятую тысячу, рассылая их по «своим» школам.

В одной из губерний кто-то донес Губернатору, что в ЦППШ используется для обучения не прошедшая цензуру книга и это обошлось Торговому дому в несколько сот рублей «представительских» расходов. Федор Леонидович тиражировал учебники, утвержденные тем же министерством десятью годами позже, справедливо предположив, что их составители противиться не станут, получив вознаграждение все от того же Торгового Дома. Россия, как всегда, отставала сама от себя.

Федор Леонидович собиравшийся в очередной «рейд», забежал попрощаться накануне отъезда.

Сам он продолжал жить, то у Катюши в мастерской, то в кадетской школе, то у Сергея, то у Михаила, так и не обзаведясь собственным домом, который по его мнению, ему был бы только в обузу.

– Дом у меня есть на набережной Невы в Питере, а здесь у меня целых четыре комнаты в «коммуналках», – смеялся он и отказывался обосноваться где-нибудь в одном месте постоянно.

Михаил торжественно преподнес ему медальон и зафиксировав «маячок» очередной в «блокноте» мобильника, успокоил волнующихся женщин.

– Бабы, цыц. Леонидович под присмотром. Тем более, что по телефону теперь с ним всегда связаться можно.

– Что-то я в технику эту не верю. – Высказала сомнения Тихоновна. Она в последнее время пристрастилась к вязанию и могла сидеть, занимаясь этим, часами. О таком количестве внуков она и мечтать не могла и теперь обеспечивала всех носками и перчатками. Притащив с собой из 21-го века несколько пособий по вязанию, Тихоновна осваивала разные техники и каждое ее новое изделие становилось сенсацией. Свитера ею связанные, вызывали зависть у тех кому они не достались, а белошвейки норовили заскочить в гости и выведать секреты мастерства. Тихоновна ни кого не гнала и терпеливо показывала как нужно «крутить» петли, поэтому в доме Сергея, теперь было постояннолюдно.

А сегодня случайно здесь собрались все. Даже Силиверстович, загруженный производственными проблемами выше головы, появился. Петр Павлович бросил школу кадетов на замов, которых у него уже было пару десятков и Нина Андреевна, которая впряглась в Катюшин бизнес и не позволяла ей работать больше четырех часов в день. Катюша, впрочем, особенно и не настаивала, так как семья требовала времени гораздо больше. Кроме того она опять собиралась обрадовать Михаила и теперь непременно дочкой.

– Пива не хочу, значит дочь. Верная примета,– заявила она мужу радостно, сразу же после его возвращения, накрывая на стол.

– А чего хочешь?– Михаил выбросив из головы полоумного фюрера, отдыхал душой.

– Варенья хочу малинового и картошки сырой. Спасу нет,– призналась Катюша.

– Странное сочетание,– поскреб Михаил озадаченно за ухом, сделав это так по-детски, что Катюша расхохоталась, взглянув на его лицо.

– Смех без причины – признак... – начал Михаил.

– Признак Катерины,– закончила за него Катюша.

– Картошки сырой принести?

– Спасибо, я грызу потихоньку. Странно вот как-то. В рот возьмешь кусочек совсем крохотный и желание пропадает. Что за привереда у нас с тобой, Мишань, намечается?

– А варенье тоже возьмешь чуток и желание пропадает?

– Нет, вот варенья я много съела сегодня. И еще хочу.

– Поздравляю, жена, у тебя похоже опять двойня, но на этот раз барышни,– Михаил весело подмигнул Катюше.

– Ох, батюшки! Столько счастья и все мне?

– Сейчас, размечталась. Знаешь, сколько опять набежит народу?

– Знаю,– «Народ» сегодня сбежался к Сергею и Силиверстович сразу ушел в сауну, заявив что только за этим и пришел. Петр Павлович не устоял и отправился вместе с ним, остальные «зацепились языками» у самовара.

– Ты, тетушка, смотри, петлю не пропусти, мимо спица пошла и вон уже пропустила одну строчку, а тут листочек должен быть, а теперь он с полоской будет,– Михаил принялся рассматривать готовую часть изделия, которое еще только начиналось и Тихоновна сидела шевеля губами, подсчитывая чего-то и сверяясь с рисунком, который лежал рядом с ней на столе.

– Не пугай, племянш, я сама боюсь пропустить. Тут так и должно быть, пропуск. Листик с вывертом в этом месте. Это тебе не на Лерке верхом по Европам скакать. А в технику я всегда не верила. У нас в деревне она никогда не работала, как нужно. Телевизор, пока не пнешь, мотоцикл пока не поплюешься. А этот твой маяк и вовсе не понятно, как работает. Ты хоть его испытал, племянничек?

– Нет,– Михаил удивленно взглянул на Тихоновну.– Мне и в голову не пришло.

– Вот-вот. На что там он реагирует?

– На повышение агрессии направленной на носителя. Непосредственной. Считывает импульсы мозга и сообщает мне на экран, вибро и видеосигнал,– объяснил он принцип действия «маячка».

– И в другое время тоже сообщает?

– Да.

– Проверил?

– Нет,– признался Михаил.

– И я у тебя в «блокнотике» твоим тоже есть?

– Есть.

– Спасибо за заботу, но аппаратик все же проверь. Работает ли. Вот хоть на Сергее. Ты мотай в «мазаришарифку», а мы тут на него агрессию увеличим и поглядим, как ты услышишь.

– Хорошо, чтобы вас успокоить, согласен. Через минуту начинайте подопытного истязать,– Михаил вышел, оставив вопрос об «истязании» открытым.

– И как вы собираетесь «уровень агрессии увеличивать»?– поинтересовался Сергей.

– А если ударить по голове чем-нибудь, валенком или подушкой этого хватит? Как думаете, подруги?– Тихоновна растерянно обвела взглядом женщин.

– Валенком его не напугаешь. А нам нужно чтобы он испугался,– Возразила Катюша, а Сергей самодовольно улыбнулся.

– А я знаю чего он боится,– промурлыкала вдруг Аннушка.– Девки, не давайте ему в эту свою «Завесу» нырнуть, он до смерти щекотки боится. Хватайте, пока не опомнился!

Сергей, поняв что сейчас произойдет, вскочил и полез в панике в карман рукой за пластиковой, но на ней тут же повисла любимая жена, мешая ему. Вторую руку схватили Нина Андреевна и Катюша, а Тихоновна непосредственно приступила к экзекуции, отложив вязание, она радостно потянулась к ребрам Сергея, приводя его в панику.

– Помогите-е-е-е!– заорал он,– Мишка, спасай! Ха-ха-ха!– Тихоновна дотянулась до него,– О-о-о-о!!!– Михаил не появлялся и «истязать» Сергея прекратили.

– Ну, вот, что я говорила? Не идет сигнал,– Тихоновна погладила трясущегося от смеха Сергея по голове.– Кролик ты наш серенький. Успокойся, больше не будем обижать. Анюта, успокой мальчика.

– У-тю-тю. Идет коза рогатая, за малыми ребятами, забодаю, забодаю,– запела Аннушка.

– Нормально идет,– Михаил появился, довольно улыбаясь.– Я давно уже здесь. Просто не хотел лишать Серегу и вас удовольствия.

– Какое удовольствие? Я чуть от страха не помер,– Сергей укоризненно покачал головой.– От тебя, жена, я не ожидал такого коварства.

– Да мы и сами бы сообразили чуток попозже, как тебя «достать»,– вмешалась Тихоновна.– Работает, значит, даже на шуточную агрессию?

– На панику Серегину сработало. Но в принципе эмоции носителя маячка можно и отключить, тогда-то уж точно вам «эксперимент» не провести.

– Не нужно «собственные» отключать, пусть будут. Мы детишек специально пугать не собираемся, даже шутейно. А себя ты кому-нибудь в «блокнотик» внес?– Катюша ткнула пальчиком Серегу в бок и тот взвился, отскочив от нее.

– Ну вот, теперь придется в «Завесе» ходить, пока у всех желание ткнуть меня под ребро пройдет,– проворчал он сварливым голосом.– У меня Михаил на мобиле, ты Катюнь, не переживай и «персты» свои убери. Ох обижу-у-у-сь. И пироги твои есть перестану, в знак протеста.

– Ох, прости, Сергунь. Больше ни-ни. Вот у меня, Мишаня совсем на щекотку не реагирует.

– Ну ка, ну ка, сейчас проверим,– Аннушка не стала откладывать проверку в «долгий ящик», как министерство просвещения учебник и тут же кинулась к Михаилу, который метнулся за спину жены и заорал:

– Пошутила она, Серега, придержи свою Анютку, пока я ее в пирамиду к тиграм не отправил. Я могу с расстройством.

– Аннушка, солнышко, оставь ты его Христа ради. Охота тебе с тиграми этими оказаться рядом?– Сергей делал вид, что пытается остановить жену.

– Ох, напугал,– фыркнула та.– Будто я не знаю, что они нас слушаться должны. Ладно, так уж и быть, не буду проверять. Поверю на слово. Катюша, ты по что мужа оговариваешь? Нормальный он у тебя, не каменный. Живой, как и мой,– Аннушка, подошедшая тем временем к Михаилу, мстительно ткнула его пальчиком в бок и тот скакнул в сторону.– Вишь, как скачет?

Глава 7

Федор Леонидович, молча наблюдавший за «испытанием» маячка, спросил Михаила, дотронувшись рукой до иконки-медальона.

– Все настолько серьезно?

Михаил коротко пересказал ему последние новости и Академик выслушав его, не перебивая, кивнул.

– Эвакуация – возможно самая разумная мера, но как это долго может продлиться? Это что же, я теперь не могу появиться в Питере без защиты?

– Даже и в защите не можете, пока мы не выясним уровень технических возможностей вероятного противника. По средствам связи они нас уже догнали и даже начинают опережать. «Трояны» – тигры докладывают, что количество атак на них в к-пространстве растет ежедневно в геометрической прогрессии. А за прошедшие сутки в Питере, нашими «Троянами-шпионами», отмечена повышенная активность по всем адресам. Пока за ними ведется наблюдение. Обложили плотно. Дом на набережной срочно решено властями отремонтировать косметически. И бригада там работающая, просто загляденье. Молодцы, как на подбор. Маляры и штукатуры шустрые, как электровеник. Дважды уже пытались проникнуть в квартиру, имитировав взлом. Приехавшие охранники на сработавшую сигнализацию, отметили как «ошибочный» вызов в обоих случаях. Я думаю, что был и третий, не зафиксированный охраной. Возможно, что и там у них уже есть «агент влияния». Квартиры проверяют и ничего, конечно же, не обнаружат инкриминирующего, но сам факт пристального к нам внимания говорит сам за себя. Мы сейчас самые популярные объекты в России для кого-то и наше исчезновение всех и сразу, лучшее для кого-то подтверждение, что они на верном пути. То есть идентификация проведена и теперь мы им нужны в любом виде. Живые и даже мертвые.

– Косметический ремонт? Я помню, как в прошлом году со скандалом жильцы добились частичного ремонта. Штукатурка сыпалась уже на головы. Пришли двое гастарбайтеров, замазали.

– Ну-у, теперь их там работает человек двадцать и все исключительно европейской внешности. Вылизывают буквально стены и потолки, – усмехнулся Михаил.

– Нет худа без добра. А вы там выходите, побывали?

– Один раз. В режиме «стелс». А вообще-то нет в этом необходимости. Вытаскиваю оттуда очередного «Филю» и смотрю запись.

– А вы не боитесь, что они захватят «Трояна» в виде трофея? Воробей в подъезде летающий – это все же подозрительно?

– Предусмотрел и принял меры. Самоуничтожение сработает в случае захвата. Пока не догадываются и по причине банальной. Все настежь там и залетают настоящие воробьи и даже голуби. Пока тьфу, тьфу.

– Что за «тьфу, тьфу, тьфу»? Мишань, ты никак язычником становишься? Постучи еще по дереву, чтобы уж точно нечистого отвести. Еще очень полезно, топор на ночь под кровать сунуть и на шею луковку чесночную повесить, – Катюша подергала Михаила за ухо. – Кайся, когда на исповеди был последний раз?

– С тобой и был на прошлой неделе, а за топор спасибо, что напомнила и по дереву постучать обязательно нужно. – Михаил постучал себя по голове. – Грешен, каюсь.

– Тогда я не понимаю, зачем вы взялись за Гитлера в начале 20-го? Гоняетесь за ним по всей Австро-Венгрии? Проблема уже в 21-ом, следовательно и решать ее нужно там, приняв за факт аксиому, что «вероятный противник» имеет в своем распоряжении некоторые технологии из арсенала «допотопного» и СТН в том числе. Смириться с этим, как с фактом и попытаться

нейтрализовать его именно в 21-ом,— Федор Леонидович, непонимающе приподнял брови.— Зачем вам Гитлер с его бесноватостью?

— Леонидович, все не так просто. Выйти на «шестерку» в 21-ом, чрезвычайно трудно. Если они начали работать в физических телах, то практически невозможно. Даже при нашей оснащенности, мы увязнем на подступах. В 21-ом у нас с ними практически паритет. Поэтому выйти на Адольфа, а через него на наследников проще. В начале века и даже в середине 20-го преимущество у нас по всем направлениям. Вторая мировая даст резкий толчок технологиям и вот после нее-то «шестерка» и решит легализоваться. Скорее всего поочередно будут выходить. Посмотрите как интересно развивались события послевоенные. Гонка вооружений та же. Советский Союз, еще лежащий в руинах, запускает человека в космос. Гагарин в 1961-м летел над Белоруссией и видел эти сожженные города и деревни. Америкосы-то на Второй мировой нагрели руки, но даже для них эта гонка чуть не обернулась катастрофой. Вышли на орбиту практически одновременно, затем начали наращивать там присутствие и закончилось высадкой американцев на Луну. После этого, космические программы, финансировать неограниченно прекратили обе стороны. Началась эпоха космического «застоя». За последние тридцать лет ни каких достижений. Почему? Ответ напрашивается сам собой. Поставленная задача выполнена в полном объеме. Система глобального контроля развернута и теперь на международной космической станции летают дежурные или дневальные. За ненужностью СССР ликвидирован и следующий шаг разумеется — создание мирового экономического пространства с централизованным управлением. Предпотопный вариант. Длинные уши торчат «шестерки» явно.

— Ты хочешь сказать, что СССР был создан ими?

— С их благословения. Мир разделили на якобы две враждебные половины и нагнетая истерию, заставили Человечество, не жалея сил и средств терпеть и развивать нужные им технологии. Попробуй-ка «уговорить» людей делать это же добровольно. В результате Человечество имеет технологии 25-го века и уровень духовности почти «допотопный». И потом настораживает то, что в местах хранения аппаратов ХЦХ — в последние годы увеличилась активность. На Кавказе и в Афганистане. Ландшафт после потопа изменился, но ориентировочно «шестерка» предполагает места баз. Шарят вслепую и рано или поздно нащупают. Тот же Афган. Сначала там десять лет СССР, со своим «ограниченным контингентом», имел возможность шарить где захочет. Не успел рухнуть, как туда почти сразу влезли америкосы и теперь они там шарят, где им вздумается.

Во всех точках, кроме Сибири, активность запредельная. Кавказ — пороховая бочка. Афган под контролем стопроцентным. Альпы тоже. На Луну высадились, но там что-то не срослось и программу закрыли причем поспешно, будто испугавшись чего-то. Теперь собираются лететь на Марс. Я недавно смотрел документальные кадры съемок лунной поверхности и там в одном месте, при съемке, зафиксирован целый комплекс, очень геометрически-правильных образований. Оператор установил максимальное увеличение и стало понятно, что это объект искусственного происхождения. Похоже, что нащупали допотопную лунную станцию. Почему свернули исследование Луны, обнаружив практически то, что им нужно? Ответ опять же напрашивается сам собой. Посчитали, что рано производить расконсервацию. Оставили, не тронув, убедившись, что есть и цел. А это означает, что процесс централизации идет с нарушением запланированных темпов. Власть пока не сосредоточена в одних руках. Кто-то им мешает и пока этот «кто-то» не будет устранен, спать спокойно «Они» не смогут. А вот если этих «кого-то» нейтрализовать, да еще изъять у них точки с аппаратурой, то полеты на Луну и Марс не понадобятся вообще. Поэтому средства направленные на космические программы разумнее использовать на поиск этих «кого-то».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.